

ДЕНИС ГЕРБЕР

ТУНКА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Денис Гербер

Тунка

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Гербер Д. В.

Тунка / Д. В. Гербер — «ВЕЧЕ», 2026 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-6093-7

XVIII век. Вэрдэ — эвенкийский мальчишка с репутацией глупца и неумехи. Его отцом был русский казак, а «вэрдэ» — означает «пучеглазый». Старейшины решают отдать Вэрдэ на воспитание шаману, полагая, что непутевость — шаманский признак. Но даже опытные шаманы в недоумении разводят руками. Как сложится судьба странного юноши в мире, полном разбойничьих набегов и кровавых распрей, и куда приведет его смертельная схватка с таинственной темной сущностью, от одного взгляда на которую люди впадают в безумие?

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-6093-7

© Гербер Д. В., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Пролог	6
Часть I	7
1	7
2	13
3	17
4	22
5	28
6	31
7	35
8	40
9	44
10	49
11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Денис Владимирович Гербер
Тунка
Роман

© Гербер Д.В., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

* * *

Все, кроме Бога, вымышлены

Пролог

Страшно, когда ночью звучит колокол. Не благовест полунощницы, не перезвон крестного хода, – бьют непрерывный тревожный набат. По освещённому факелами двору острога суматошно бегают люди. Кажется, что служилые действуют разумно, выполняя тщательно отработанные команды. Но, присмотревшись, понимаешь: действия не соотносятся между собой, и потому бессмысленны.

Из казёнки со свинцом вытащили ядра и несут внутрь северной башни-избы, где отсутствуют бойницы под пушку – только под ружейный бой и пищали. В то же время две пушки безучастно стоят на «раскате» – бревенчатом помосте в центре двора; одна – пристреленная к противоположному берегу Иркуты, другая – к подходам за воротами. Сейчас дула пушек направлены вниз. Про орудия словно забыли.

Горит чан со смолою. Горит слабо, ничего не освещая. Подле него нет дежурного, лишь подбегающие казаки запаливают факела. Наполнена водой огромная бочка рядом с колодезем, предназначенная для тушения пожара от горящих стрел. Однако воду по расходящимся от бочки желобам не пускают.

Казаки закрывают ворота, мешая слободским бабам укрыться внутри. Сначала прикрыли малую створку, обычно используемую вместо калитки, и только сейчас тянут большую, хотя надо бы наоборот, иначе засов встанет не так.

Справа и слева от проездной башни громоздятся обмазанные глиною фашины. Их приготовили, чтоб обустроить огневые позиции на валу, да, видимо, позабыли вынести.

Не весть бог на кого орёт десятник с факелом в руке. Лицо у десятника кумачовое; кажется, что с него содрали кожу. Рука, держащая факел, тверда, как корневище. Мимо катят бочки, тащат на спинах тюки, волокут какой-то ящик, похожий на гроб.

Зачем-то затопили печку в тёплой караулке. Такое делают лишь во время зимних дежурств, а сейчас только заканчивается август. Установили дополнительные лестницы к нагордням на крышах хозяйственных построек. Но наверх без приказа никто не взбирается. Пустуют и галереи вдоль стен. Под одной из галерей у столба крестится коленопреклонённый. Осеняя себя троеперстием, он поочерёдно смотрит то на сруб часовни, то на луну, небесной прорубью бледнеющую среди туч.

– Един за единого! – надрывается десятник с кумачовым лицом, перекрикивая ржание лошадей в конюшне. – Един за единого! Голова в голову!

Около казачьей управы стоят трое, двое – в подрясниках, один в распахнутой белой рубахе. Они спорят, чьё нападение в остроге отбивают, и никак не могут договориться. Хватают друг дружку за одежду, за руки, едва ли не пускают в ход кулаки. Наконец, одному из священников удаётся остановить спор.

– Какое нападение? Угомонитесь! – кричит он. – Я со слободки бежал – вокруг никого.

Тут и второй священник приходит в себя. Обращается к мужику в распахнутой белой рубахе:

– И вправду, Андрей Данилович! Нет никакого нападения, лишь морок дьявольский. Остановить всё это нужно. И на молитву вместе вставать!

Часть I

Мальчик с хорошим пальцем

1

Убить Тыкульчу... – такая идея приходила к Вэрдэ и раньше, но сейчас она казалась как никогда свежей и заманчивой. Исчезнет Тыкульча – и с ним исчезнут унижения, насмешки, обиды. Вся жизнь переменится к лучшему. Вэрдэ осмотрел дядьку: его грудь, обтянутую ровдугой с завязками и украшением из бахромы, расшитый конским волосом пояс и висящие на нём ножны. Он мог бы легко выхватить нож. Костяная рукоятка сама просилась в ладонь.

– Чего там делал? – спросил Тыкульча. Ухмылка искажала его большие потрескавшиеся губы. С правой стороны рта торчал жёлтый клык – неизменный повод для женских шуточек.

– Ничего, просто гулял, – ответил Вэрдэ.

Тыкульча с пренебрежением оглядел мальчишку, задержал взгляд на его неплотно сжатой правой ладошке. Ухмылка переползла на другую сторону рта, в этот раз обнажив зияющую меж зубами дыру.

– Почему так далеко убежал? Я же велел оставаться рядом.

Вэрдэ не ответил. Он стоял спиной к сосновому выворотню, напоминающему распахнутую в зевке пасть и тяжело дышал. Появление Тыкульчи немного испугало его. Взволнованно билось сердце, и почти в такт с его биением мягко и нежно трепыхалось в правом кулаке.

– Пойдём, дулбун¹, – сказал Тыкульча. – Кажется, уже всё решили.

Они отошли от поваленной сосны и зашагали по оленьей тропке. По правую руку тянулись травянистые кочки вперемежку с лужами, слева рос смешанный и какой-то неустроенный лес. Высоченные деревья в нём соседствовали с подростом, полянки и прогалины заросли кустами жимолости, а кое-где лежали большие круглые камни, будто бы прикатившиеся с гор. Узловатые щупальца корней, пересекая тропинку, тянулись от леса к болоту. Они не боялись ни оленьих копыт, ни ног человека.

Вэрдэ любил это место. И неизменно приходил сюда, когда стойбище располагалось неподалёку. Тропа делила мир на две части. Сделаешь шаг в одну сторону – окажешься в царстве стрекоз и лягушек. Ступишь в другую – деревья окружат, укутают прохладой. Никто не обращал внимания на границу между мирами, а Вэрдэ она казалась явственной и важной. Граница вселяла уверенность, что оба мира ему подвластны; он не подчиняется ни законам леса, ни законам болота – живёт по собственным правилам.

После этого случившегося три года назад открытия Вэрдэ обнаружил и другие незамеченные людьми границы. Он безошибочно определял момент полдня, когда хозяйка неба Делача пересаживается с коня на собаку, или день, когда сила духов холода окончательно иссякает и начинается весна. Главной же границей, что он для себя открыл, оказалось мгновение, предшествующее пробуждению. Поначалу линия между сном и явью была не толще паутинки, затем её удалось расширить, укрепить. Балансируя на ней, Вэрдэ ощущал переполняющую его силу. В эти мгновения грезилось, будто тело распухает до чудовищных размеров, а всё необъятное мироздание становится хрупким и беззащитным существом – лягушонком, зажатым в кулаке.

Тыкульча шёл молча. Наполовину седые волосы, собранные в пучок кожаной полоской-лэтэкэ, двигались от одной лопатки к другой. Вэрдэ снова подумал: «Не вонзить ли в эту спину нож?» Желание становилось навязчивым... Он перевёл мысли на собрание. Сегодня

¹ Дулбун (эвенк.) – дурак, глупец.

жизнь переменится и без убийства Тыкульчи. Старейшины дадут второе имя. Какое оно будет – не всё ли равно? Главное, взрослое, настоящее. А старое отпадёт, как иссохший листок от ветки, и забудут про него. Хорошо, если б забыли.

Тропа обогнула берёзовую рошу, и показалось стойбище – одиннадцать островерхих чумов с тянущимися в небо пуповинами дыма. Согнанные с пастбищ олени толпились на обнесённой жердями полянке, по четырём углам которой чадили дымокуры. Два чума уже сбросили с себя покрытие из вываренной бересты, выпячивались только четыре главных шеста. Хозяйева этих жилищ готовились уезжать с многолюдства: близился *иркин*, месяц обдиранья рогов, и нужно было подыскивать стоянку ближе к травянистым долинам.

Старейшины собрались позади стойбища у костра – там, где должно приниматься совместное решение. Вэрдэ подождал дозволения, сел к огню и осмотрел четыре обращённые к нему лица. Дёнун, самый старый представитель рода, расположился в центре. Кожа на его щеках истончилась и обвисла, время едва ли не полностью вдавило нос в поверхность лица. На подбородке вперемежку с седыми волосами торчали какие-то чёрные иглы. Справа от Дёнуна горделиво восседал Отани, знатный охотник, убивший, если верить рассказам, огромного полосатого медведя. По другую руку – Бэркэнча, старик, которого оросы жаловали серебряным ковшом (за какие заслуги? – ответ всякий раз был новым). Четвёртое лицо было незнакомо Вэрдэ. Его обладатель выглядел молодо и держался скромно (если не сказать: стыдливо) – оглядывал сцепленные на животе пальцы, поджимал губу, вздыхал.

«Сейчас моя судьба зависит от этих людей», – подумал Вэрдэ и сам ощутил себя сидящим в кулаке лягушонком.

– В нашем роду имена придумывают родители, – начал старый Дёнун, и все, кроме чужака, закивали головами. – У тебя, Вэрдэ, нет отца, но есть мать и дядька. Однако Тыкульча обратился к нам, потому как случай особенный, ага. Помню, двенадцать или тринадцать солнц назад мы тоже выбирали имя. Родители тогда нарекли своего мальчонку – как, уже и не припомню... – но к зрелым годам мальчонка оказался девкой.

Старик засмеялся, потом раскашлялся, а когда унялся, осмотрел Вэрдэ.

– Ладно имя!.. Непутёвость твоя – вот что удивительно. Женщины про непутёвость эту деткам шепчут. Предание почти, а ты вот он сидишь – живое предание.

Вэрдэ ощутил пробежавший по плечам холодок. Не ожидал, что его непутёвость обсуждать станут. Все рассказы о непутёвости проистекают изо рта Тыкульчи. Да, многое не получается, но это потому, что отца нет. Отец бы научил. А дядька... Этот сам ничему не учит и старшему сыну запрещает. Он и не дядька вовсе, а муж материнной сестры, нашедший замену своей покойной жене. Замену с бесполезным придатком.

– Пойдёшь рыбу ловить, так мальков наловишь, – продолжал Дёнун. – Дрова собрать – гнилушек каких-то натаскаешь. Яму выкопать – норы бурундуковые получаются. Непутёвый! – Он тихо добавил: – Что тут поделать? Если разум кружит, то и руки с глазами не помощники, ага.

Вэрдэ стиснул зубы. Его, пусть и сидел он у костра, а низкое осеннее солнце ещё теплило голову, пробивал озноб. Какая разница – путёвый, непутёвый. Имя называйте!

– К оленям тебя и близко нельзя подпускать, – заговорил Бэркэнча, обладатель серебряного ковша. – Чуют животные в тебе какую-то скверну, волнуются. Как с диким зверем. Разве годится? Как с таким нутром к оленям?

– Не злись и не обижайся, – попытался смягчить разговор Отани. – Жизни хорошей тебе хотим. Но у тебя пока и охотиться не получается, хотя взрослый почти... Может, потом охотник из тебя выйдет? Может, научишься? Мужчина должен быть добытчиком и кормильцем.

Вэрдэ глядел в огонь, почти не замечая лиц старейшин. Сказать, что выйдет? Научится? Не было такой уверенности.

Заговорил стоящий рядом Тыкульча.

– Не рождён он для охоты. Часто брал с собой – толку никакого. Покажи, какого зверя поймал! – Дядька подтолкнул Вэрдэ в плечо: – Покажи, говорю!

Вэрдэ разжал кулак. Крохотный лягушонок замер на ладони, моргнул, затем спрыгнул в противоположенную от костра сторону – прямо под ноги Тыкульче. Старейшины посмеялись, но без злобы.

– Вот такого зверя добывает! И рыбу такую же! – Тыкульча усмехнулся и, сдвинув ногу, втоптал лягушонка в землю. У Вэрдэ кольнуло в груди.

– Не опускай хвост, Вэрдэ! – подбодрил старый Дёнун. – Удивительна твоя непутёвость, бесполезность твоя... Вот поэтому и решили... – Он задумался, поводит подбородком. – Не годен на одно – годен на другое, иначе не бывает. Слушай!

Вэрдэ поднял взгляд на старейшину. В глазах у Дёнуна не было ни веселья, ни злобы – лишь какая-то старческая тоска, обречённость.

– Думаю, непутёвость твоя – не изъян, а шаманский признак. Бывает такое, что признак не снаружи, а внутри кроется, в характере. Шаман точно скажет, но я почти убеждён... Слышал про такое, ага.

Вэрдэ не поверил своим ушам. Его непутёвость – шаманский признак? Что-то вроде шестого пальца или горба? Скрытое глазу уродство.

– Завтра тебя отведут к сильному шаману – к Ангивче. Если тот подтвердит признак, там и останешься. Потом, когда духи позволят, сам шаманом вернёшься.

Настоящего шамана в роду не было много лет. Последний отбыл в нижний мир, когда Вэрдэ ещё качался в зыбке. Осталась только старая Агдыкак, которая могла общаться с духами лишь по весне, да и то не каждый год. Часто она передавала послания совсем не по делу: спросят её про половодье – отвечает про молнии, захотят узнать о судьбе пропавшего охотника – Агдыкак рассказывает про какие-то ягодные кусты.

Некоторое время молчали. Небо густело от приближающихся сумерек, и Отани подкормил огонь тремя поленьями – по обычаю одно или два полена класть было нельзя. Глядя, как разгорается пламя, Вэрдэ думал о матери. Сидит она сейчас в чуме, ждёт решения старейшин. Расстроится, узнав, что сын уйдёт к шаману? Наверное, нет. Понимает: там ему будет лучше. Где угодно Вэрдэ будет лучше, чем в чуме у Тыкульчи.

«Ну а имя? – вспомнил он. – Что с именем-то?» Спрашивать не решился – такое сочтут за оскорбление. Прерывать тишину должен старший по возрасту или положению.

Дёнун снова раскашлялся, затем обтёр пальцами слезящиеся веки.

– Что имени твоего касается... – Он издал какой-то крякающий звук – ни то хохотнул, ни то кашлянул. – Тут такое выяснилось!

Все перевели взгляд на незнакомого Вэрдэ человека. Тот продолжал рассматривать свои руки и явно был не рад, что находится здесь – какую-то постыдную роль ему отвели на собрании.

– Выяснилось, что у имени твоего есть скрытый смысл, – продолжил Дёнун – Второе значение как будто.

Имя «Вэрдэ» означало «пучеглазый» и было отпугивающим именем – такие давали мало-развитым и больным детям, чтоб оградить от злых духов. Имена-обереги – одно отвратительнее другого: Корбо – лысый, Килтерой – вяленый, Догуй-ачин – голозадый. Девочку могли назвать Инникса – шкура собачья, или Тагин – лужа. Недавно родилась малышка, которую нарекли Бугдекэ – то есть «лишай». Но таких детей впоследствии переименовывали, или оставляли с двумя именами: настоящим – хэгдыгу, и шуточным, отпугивающим духов – эвибгэн. А про Вэрдэ словно забыли.

Дёнун совсем скверно раскашлялся, затем сказал:

– Ты «пучеглазый», потому что наполовину орос. Расскажи ему, друг-загачин.

Чужак у костра наконец-то разнял пальцы, что-то смахнул с колена и, сочувственно взглянув на Вэрдэ, сказал:

– В заектаевском роду говорят: мамку твою оросы силой брали. Они же отца твоего убили. Пытали сначала, к дереву привязали, ладони все исковыряли, затем ножом по горлу.

Языки огня колыхались недалеко от лица Вэрдэ. Ощущая жар на щеках и лбу, он глядел в пекло, где обитает дух огня. Энекан Того, она определяет судьбу человека – смотрит из костра, оценивает: чего достоин, а чего нет. Что же он, Вэрдэ, такого сделал, что судьба лягается? В костёр не плевал, не мочился, не кидал в огонь смолистые шишки, не двигал головёшки острым предметом. Даже не ругался, когда разгорается плохо.

– Вот только я знаю, что всё не совсем так произошло, – продолжал чужак. – Те оросы по Морю² на большой лодке приплыли, стойбище подле нас сделали. Слюду, камни ценные искали. Твоя мамка добровольно с одним из них сваялась, бегала к нему тайком. Я видел много раз, потому как работал при их стойбище. Мал был тогда, как ты. Однажды муж её явился – прознал обо всём, выследил. Он убил ороса, ну а затем уж и они его. Чтоб война не началась, велели матери твоей молчать, сама ведь виновата... В общем, те оросы не нашли, что искали, и осенью, пока лёд не встал, уплыли. Кто уж из двух убитых твой настоящий отец, я не знаю. У матери спрашивать надо.

– Что тут спрашивать? – пробормотал Дёнун. – Ты на глаза его посмотри: орос наполовину. Потому так и назвала.

Вэрдэ продолжал тарашиться на пламя. Не хотелось видеть лиц сидящих у костра людей. Не хотелось, чтоб они смотрели на него. Все вдруг сделались такими же ненавистными, как Тыкульча. «Жаль, что матери нет рядом, – подумал он. – Сегодня ей нельзя выходить из чума и вредить общему делу. Догадывается ли она, что за историю тут рассказали? И правда ли всё это?» Он проглотил какую-то скопившуюся во рту мерзость и, нарушая правила, произнёс:

– Имя!.. Что с моим именем?

Никто не возмутился этой грубости, все понимали чувства мальчишки.

– Выходит, имя-то не оберегающее, а настоящее, – сказал Дёнун. – Стоит ли его менять? Не знаю. Пускай решает шаман.

«Как спокойно он говорит об этом! – поразился Вэрдэ. – Выходит, что настоящее...» А ему что? Ходить с детским именем? Никто «уважаемым» не назовёт, так и будут кликать «пучеглазым». Лет ему много будет, а всё от духов оберегается – позор! Не объяснять же всякому...

– Будет хорошо, если шаманский дар окажется правдой, – продолжал Дёнун. – Наш род хиреет и страдает без достойного шамана. Ты мог бы стать помощником, хранителем здоровья для оленей и людей. Подумай об этом, Вэрдэ, прежде чем горевать или злиться.

* * *

Из всех женщин в роду мать Вэрдэ была самой низкорослой, худой и в то же время твёрдой, как просохшая на берегу коряга. Даже голос её походил на треск ломающихся сучьев. И с неприятной особенностью: скажет что-нибудь ласковое, а всё равно звучит как угроза. Наверное, потому и говорила мало, обходясь краткими указаниями или замечаниями.

– К шаману отправись завтра, – сказала она Вэрдэ, когда узнала о решении старейшин. – Незачем откладывать. Тыкульча тебя отведёт.

Тыкульча... Почему снова Тыкульча? Вэрдэ вспомнил: мать по-женски кровоточит. В такие дни нельзя разводиться огонь и трогать большой котёл, нельзя заходить в место Хозяина чума, нельзя пересекать охотничью тропу, а самое главное – нельзя приближаться к шаману

² Имеется в виду озеро Байкал.

или шаманским оленям. Но сегодня мать как будто радуется запретам. Благодаря нечистым дням она не была на собрании, не слышала позорных речей о себе. Может, нарочно пустила из себя кровь, чтоб остаться в чуме?

Вэрдэ посмотрел матери в глаза, и мрачные опасения подтвердились. Она знала, что на собрании вскрылось её прошлое. Всё знала заранее... И вдруг в голове чётко сложилась картина предшествующих событий: Тыкульча каким-то образом нашёл этого чужака, узнал о былых похождениях матери, а после решил вытащить эту историю на всеобщее обсуждение. Потому вопрос второго имени решался не в семейном кругу, а на собрании. Тыкульча намеренно всё это устроил, желая избавиться от племянника – пусть даже через позор своей женщины. И, кажется, у него получилось.

Мать смотрела на Вэрдэ с некоторым сожалением, но стыд не прятался в её взгляде. Наверняка считала, что сын по малости лет не способен обо всём догадаться.

– Мне собирать все вещи, энё? – спросил Вэрдэ.

– Возьми теплую одежду и самое необходимое. Думаю, ты скоро вернёшься. Может, на следующий день. Или через несколько.

– Почему вы сами не дали мне второе имя? Почему не решили всё сами?

Вэрдэ знал ответ, но ему захотелось увидеть лицо матери в момент, когда она соврёт. Так можно запечатлеть ещё одну неуловимую границу – границу между правдой и ложью.

– Не расстраивайся из-за имени, – сказала она и, придвинувшись, погладила Вэрдэ по затылку. – Шаман подскажет, как быть дальше.

Сначала старейшины, затем шаман... Вэрдэ представилось, что его всю жизнь будут передавать из рук в руки, как вещь. Возникли какие-то лица, чужие голоса. И до ужаса сильно захотелось остаться здесь, продлить мгновенья рядом с матерью.

Неожиданно, будто повинуясь чужой воле, он спросил:

– Чей я сын, энё? Твоего погибшего мужа? Или ороса, которого он убил?

Мать перестала гладить его затылок и опустила руку. Взгляд её упёрся в поперечную жердь, с которой свисали мешалки и крючья для котла. Большие выпирающие скулы блестели в свете очага.

– Ты мой сын! – Голос её как никогда казался сухим и ломким. – Мой, и больше ничей.

– Почему же меня отдаёшь?

– Никто тебя не отдаёт. Шаман подтвердит или опровергнет твой признак. Собирайся, утром будет некогда. – После недолгой паузы, продолжая пялиться на жердь, она тихо добавила: – Не вернёшься в ближайшие дни – я тебя навещу.

Утром Вэрдэ не стал долго прощаться, лишь кивнул матери и пошёл за Тыкульчей. Он решил, что долгие проводы предвещают долгую разлуку, а если уйти скоро – скоро и вернёшься. И с другими детьми не попрощался. Мальчишки, сжимая в руках игрушечные луки, провожали его любопытными взглядами. Сидящие у костерка из щеп девочки прервали забаву «гость приехал» и помахали ладошками.

Солнце светило ярко, но почти не грело. Тропа, по которой шли Вэрдэ и Тыкульча, пересекала пологий травянистый склон. Росли одинокие берёзки, в своём осеннем наряде похожие на язычки огня. Внизу – там, куда вела тропа – начинался лес; огоньки берёзок множилось и сливались в единый протяжённый пожар.

Вэрдэ шагал не оглядываясь, стараясь надолго не отставать от Тыкульчи. В перекинутой через плечо сумке лежала тёплая одежда. На поясе висел нож, в сумочке из рыбьей кожи – огниво, трут и костяная свистулька, которая уже год как не свистела. На груди покачивалась фигурка вставшего на задние лапы медведя, отлитая из олова. Когда-то этот медведь, с выгравированными изображениями луны и солнца, украшал нагрудник матеиноного кафтана, но сегодня мать прикрепила фигурку на тонкую кожаную полоску и надела Вэрдэ на шею.

Пройдя немного, он спрятал медведя под одежду – не хотелось, чтобы Тыкульча спрашивал про подарок. И ощутил проникающую к сердцу прохладу.

2

На шесте-лекоптыне у шаманского чума колыхались привычные белые лоскуты и полоски из оленьей шкуры. Кроме них висели четыре хвоста гагары. А на самой верхушке, над поперечной палкой примостилось ветхое орлиное гнездо. Эти отличия указывали, что шаману служат птичьи души.

Чум-утэн – высокий, четырёхгранный – был обложен лиственничным корьём, понизу облеплен кусками дёрна. Сено затыкало дыры. Северную сторону уже утепляли шкуры. Этот чум не предназначался для кочёвок: шаман Ангивче всегда жил на одном месте. Кумкагиры, галкагиры и люди тыреевского рода, где смешано много кровей – почти все на южной оконечности Моря приходили сюда, чтоб излечить больного, защитить скот или обеспечить достойную добычу. Ангивче считался могущественнее всех родовых шаманов, потому как дар его наследовался от предка, укушенного гигантским змеем Дябдаром.

Рядом с чумом на двух деревянных ногах высился укрытый остроконечной кровлей лабаз. К нему навверх тянулась узенькая лестница. За лабазом начиналась берёзовая роща, а в ней – большой ритуальный чум, вокруг которого – *гулакан*, оградка из берёзовых жердей, уложенных на столбики-лапки. С жердей на жилах свисали берестяные фигурки – всадники на оленях, рыбы, птицы, стрелы. Дул ветерок, и фигурки двигались, как живые, вертелись, разыгрывали представление. Вот всадник скачет вслед за рыбой, вот он оборачивается и спасается от летящей стрелы. Несколько берёзок внутри гулакана были украшены лосиными рогами.

Пока Тыкульча разговаривал с шаманом в жилом чуме, Вэрдэ прошёлся вокруг. За изгородью в тени высоких сосен он увидел трёх священных оленей, будто бы слепленных из мха, хвои и мрака. Рядом с изгородью лежали два пса – чёрный непрерывно зевал, а пятнистый, уложив голову на лапы, беззлобно глядел на гостя.

Вэрдэ подошёл. Он никогда не видел священных оленей настолько близко, что можно было протянуть руку и погладить их серые в белую крапинку морды. Удивительно, но животных не взволновало приближение чужака. Они взирали на Вэрдэ чуть снисходительно, будто главная тайна жизни им давно была известна, а ему только предстояло к ней прикоснуться. Шаманские олени, чего тут скажешь. Слово и не пасутся никогда, вечно стоят здесь, в лесной тени, обсыпанные жёлтыми иглами. Когда-то им передали *мусун* – часть силы Хозяина верхнего мира. И с тех пор на них не ездят, не перевозят ничего, кроме священных предметов. Если такой олень пропадёт, его не станут искать. А умрёт – тело, так же как человеческое, поднимут на похоронный лабаз, уложат на правый бок – сердцем к небу, мордой на восток. И оставят в чаще. Мёртвых священных оленей даже птицы не клюют, они полностью истлевают.

Вэрдэ глянул вверх. Там, меж сосновых стволов, словно удерживаемая невидимой оградой, клубилась мошкара. Солнечный свет широкими полосами пробивался сквозь кроны, окрашивал золотом хвою.

Он уловил чьё-то присутствие и обернулся. Ангивче, скособочившись, стоял около чума. Подбородок он притянул к правому плечу – точно зверь, пытающийся выгрызть блоху. Обычный наряд из оленьей шкуры. Ноги чуть кривые, коленями внутрь. Босые ступни с длинными, как палки, пальцами. Сразу заметно: человек великой силы и подвижности, плясун, ловкач, несмотря на странное телосложение.

Чуть раскачиваясь и держа голову набок, Ангивче подошёл. Он оказался моложе, чем представлял Вэрдэ, сгодился бы ему в отцы или даже в старшие братья.

- Вэрдэ... – с явной насмешкой произнёс шаман. – Тебе не нравится твоё имя. Почему?
- Оно детское, временное.
- Может, и нет. Это нужно выяснить.
- Тыкульча сказал... – начал Вэрдэ, но шаман его перебил:

– Тыкульча много что наговорил. Сказал, что разум у тебя кружит.

Это Вэрдэ совсем не удивило. Часто дядька говорит про него такое. Да и не он один.

– Он уже ушёл?

– Забудь про него. Скоро плоть Тыкульчи истлеет, а души разлетятся.

Шаман подступил ещё ближе и присмотрелся к Вэрдэ тёмными пытливыми глазками.

– Хэ! Ты радуешься? Не радуйся плохому, мальчик, даже если тебе от этого хорошо.

Только ногти и волосы радуются смерти человека, потому и растут неудержимо на мёртвом теле.

Тут Ангивче опустил плечо и распрямил шею, наконец показав скрытую часть лица. Вэрдэ невольно отпрянул. Рот у шамана с правой стороны будто был разорван. Губы, превращаясь в две омертвевшие жилы, тянулись к скуле, а между ними проглядывались серые зубы. Теперь Ангивче уже не выглядел молодо.

– ...одё соной утю... – проговорил шаман, развернулся и направился ко входу в жилище.

«Чего он со мной оленьим языком заговорил?» – подумал Вэрдэ и тут же поразился: ведь это бляение оказалось понятным! «Пойдём со мною в чум» – вот что означало сказанное. Вэрдэ догадался, отчего Ангивче заговорил так странно: до этого он прижимал правую щёку плечом – только так и мог произносить слова внятно, а после – обнажил дыру.

В чуме мерцали угли и было жарко. Вэрдэ уселся на шкуру в указанном месте и стал ждать. Шаман сел неподалёку. Должно быть, он нарочно разместился так, чтоб его «разорванный» рот был виден гостю.

– Почему в вашем роду нет шамана? – спросил он, на этот раз приложив к дырявой щеке ладонь.

– Наш шаман умер, когда я был ещё маленьким.

– От чего?

– Говорят, после камлания у него на лице выступили тёмные пятна. Он мучился несколько дней и умер.

Ангивче принял задумчивый вид и некоторое время глядел на угли. Ладонь по-прежнему прижимала щёку, словно унимала зубную боль.

– Как думаешь, почему это случилось? – спросил он.

– Шаман сам перед смертью объяснял. А мне рассказывала мать. Он посещал мир мёртвых и измарался в чём-то плохом.

– Так и есть. В мир мёртвых опасно заглядывать даже шаману: там легко запутаться. Всё в этом мире наоборот: высокое – низкое, твёрдое – мягкое, кривое – прямое, а полезное – вредное.

Вэрдэ слышал об этом. Именно потому, что у мёртвых всё наизнанку, на лабаз и кладут сломанные вещи – в мире покойников они становятся целыми и пригодными. Но как их шаман мог забыть об этом и заразиться?

– Тёмные пятна на лице – следы угольной черни, – пояснил Ангивче. – Он приблизился к месту, откуда не возвращаются. Там обитают души «худых» покойников, которые умерли ещё и в мире мёртвых. Сделай он хоть шаг дальше, то скончался бы прямо во время камлания. Такое бывало. Этот шаман... он был твоим дедом, дядей?

Вэрдэ покачал головой и вспомнил разговор со старейшинами. Если всё сказанное у костра правда, то его родственники по отцу находятся далеко – там, куда по Морю на огромной лодке уплыли оросы.

– Научиться общаться с духами – на это потребуется несколько лет, – сказал Ангивче. – Я три года ждал, когда получу свою колотушку для бубна. А шаманским облачением обзавёлся восемь лет назад. Но время – не главное. Важно услышать песню, которую духи напеют в ухо. Знаешь, что будет после?

– Нет.

– В этой песне тебе прикажут уйти в лес, добыть одну из шаманских птиц. Ты разделаешь её тушку на двенадцать частей и будешь есть по одной части в день. Дух-помощник войдёт в тебя постепенно, вместе с плотью птицы. Тогда ты станешь начинающим шаманом.

– Какую птицу съел ты? – спросил Вэрдэ.

– Кукушку, – ответил Ангивче. Ненадолго задумавшись, он продолжил: – На этом всё не закончилось. Духи решили закалить меня.

– Что значит – закалить?

– Закалить – значит помучить. Несколько месяцев я провёл в лесу и ничего об этом не помню. Встречающие меня люди рассказывали, что я вёл себя, как зверь, – иногда был волком, иногда росомахой, иногда лосем. Однажды я вернулся в своё стойбище, но мнил себя оленем, и меня прогнали. Я едва выжил. Зато теперь я могущественней отца и деда. Они во время камлания доходили лишь до второго порога нижнего мира, а я спускался дальше третьего, как ваш шаман. Но если ваш шаман умер, когда прикоснулся к угольной черни, то мне это не грозит. Во мне мусун самого Дябдара, и эта сила закалена. Я не зря блуждал и мучился в лесах.

– И меня духи могут закалить?

– Конечно. Но лучше, если это произойдёт, пока ты мал.

– Почему?

– Потому что маленькое тело легче тащить в чашу и поднимать на похоронный лабаз. – Ангивче издал несколько похожих на всхлипы смешков. – Пока ещё рано говорить об таком. Песнь духов не звучала в твоём ухе, значит, будем ждать. Кто знает, может, тебе и не предназначено быть шаманом.

– Старейшина говорил о шаманском признаке. Он у меня внутри.

– Признак внутри... Да, Тыкульча рассказал. Но пока я ничего не чувствую. – Ангивче снова задумался. – Точнее, чувствую, но не могу определить принадлежность этого. Знаешь, есть способ поторопить духов, выпросить у них разъяснение. Жди-ка здесь.

Шаман поднялся и вышел из чума. Пока его не было, Вэрдэ пригляделся к углям в очаге. «Интересно, что делает дух огня, когда нет пламени? – подумал он. – Спит или уходит в свой огненный мир?» Ему представились существа с плотью из пламени и света. Огненные нити заполняли всё пространство их мира, непрерывно колыхались и заставляли существ двигаться, совершать затейливый танец. Вэрдэ поразился своей фантазии. Показалось, что когда-то давно он видел огненный мир и этих существ. Может, в первом младенческом сне?

Ангивче вернулся с зажатой в правой руке белкой. Зверёк находился в каком-то оцепенении. Глаза за полуприкрытыми веками вращались. Лапки подёргивались, хвост то выгибался, то распрямлялся, как гусеница. Шаман протянул белку Вэрдэ и, прижимая плечом щёку, сказал:

– Покрепче ухвати за шкуру на спине, чтоб не вырвалась.

Вэрдэ аккуратно взял зверька. При свете очага рыжая белка тоже казалась обитателем огненного мира. мех её светился, точно «камень солнца» – хранящийся у Тыкульчи родовой талисман. На груди и подбородке белели островки, соединённые такой же белой перемычкой.

Шаман присел и положил рядом с коленкой Вэрдэ какую-то мелкую вещицу. Ею оказалась костяная иголка, с продетой в ушко красной нитью.

– Возьми и приготовься, – велел Ангивче. – Как только почувствуешь, что белка приходит в себя, проткни ей сердце этой иглой.

Вэрдэ взглянул на шамана. Может быть, сказанное – шутка? Но на лице Ангивче не было и тени веселья.

– Я не хочу её убивать.

– Не переживай. Она умрёт совсем ненадолго. Духи снова её оживят. Такое с ней делали не раз.

Приглядевшись, Вэрдэ заметил небольшую проплешину на груди белки. Мех в этом месте не рос из-за множества мелких шрамов.

– Пусть и ненадолго... Зачем её убивать?

– В мгновенье между смертью и возвращением кое-что изменится. Приоткроется щель, через которую я спрошу у духов о тебе. Когда проколешь сердце, не вынимай иглу, пока я не скажу. Приготовься, она уже просыпается!

Глаза у белки перестали бессмысленно двигаться. Хвост безжизненно поник. Вэрдэ почувствовал, как в руку передаётся мелкая дрожь. Он взял иглу двумя пальцами и прицелился к проплешине. Хорошо, если бы рука сама сделала нужное движение и игла вонзилась в сердце без его воли.

Момент пробуждения он определил безошибочно. Взгляд чёрных глаз приобрёл осмысленность, пальцы на лапках сжались, будто удерживали невидимую добычу, тело напряглось. И Вэрдэ намеренно ослабил хватку.

Прежде чем игла вонзилась, белка извернулась и укусила Вэрдэ за большой палец. Она выскользнула из ладони, двумя прыжками добралась до выхода и исчезла.

Прижав рану ко рту, Вэрдэ ощутил привкус крови. Он виновато глянул на шамана.

– Почему не убил? – спросил Ангивче. – Прозевал?

– Говорят, я ни на что не годен. Потому меня сюда и отправили.

Шаман вышел из чума и вскоре вернулся с листьями нигири³. Разжевав листья, он приложил к ране зелёную лепёшку.

– Будем считать, духи не готовы дать ответ. Подождём другого случая. День ранний, год долгий. Однажды они всё скажут. А затем подумаем, как поступить с тобой и твоим именем.

³ Нигири (*эвенк.*) – подорожник.

3

Напрасно Вэрдэ понадеялся, что его поселят в *малу* – гостевой части чума. Ангивче отвёл ему хозяйственное место у выхода, где обычно живут женщины. Впрочем, и обязанности на Вэрдэ свалились преимущественно женские: таскать дрова из леса и воду с реки, поддерживать очаг, готовить еду, убирать в лабаз продукты, которые то и дело оставляли приходящие люди. Он заштопал прохудившийся полог над своим спальным местом, починил две берестяные посуды. Оказалось, что его непутёвость не распространяется на женские дела, к тому же раньше он часто видел, как всё это исполняет мать. «Жена у меня с хорошим пальцем», – нередко хвастался Тыкульча, и теперь Вэрдэ с некоторым смятением в душе понял, что подобное можно сказать и о нём. Мальчик с хорошим пальцем.

Выпал первый снег. Кедровый стланик на ближайших склонах расправил ветви и прижался к земле, предвещая наступление холодов. По-иному запели птицы. Шаман часто уходил в лес, проверял, насколько хорошо белки утеплили дупла и много ли сделали запасов. Примечал, на каких ветвях они подвесили грибы – на высоких или на низких. Он поднимался с рассветом и вглядывался в восходящие солнце, по его красноте определяя суровость предстоящей зимы.

До холодов Вэрдэ ожидал появление матери или кого-либо из родных. Но когда установился снежный покров, а на реке образовались ледяные пабереги, он смирился что в этом году его не навещают. Сейчас кумкагиры уже кочуют к лесной глуши. Скоро они поставят ловушки и месяц-полтора будут охотиться на пушного зверя. Затем направятся к крепости оросов для ежегодного обмена и торга. А после самые крепкие мужчины во главе с Отани уйдут в долину, станут на лыжи и погонят лосей. Туши убитых животных тщательно укроют ветвями и снегом. Следом придут остальные и станут жить, пока всё не съедят. Затем новая добыча – и новое место стоянки. Весной, в период отёла, несколько родов, скорее всего, перекочуют к подножию окаймляющих долину гольцов и будут охотиться на горных козлов и кабаргу. Далее – на мелководьях Несущей воронки реки установят заездки для рыбы. Потом отыщут богатые горями места и – на этот раз скрадом – начнут охоту на изюбря. И только после месяца наливания плодов, когда отойдёт допекающий оленей паут, родня вернётся в болотистые места – туда, где в достатке травы и ягод.

Вэрдэ оставалось только ждать и размышлять о своей несостоятельности. Он не умеет охотиться и ловить рыбу. Он медленно бегаёт на лыжах. Он никогда не сможет подплыть ночью к лакомящемуся водорослями лосю и проткнуть ему шею рогатиной. Западни для соболя и лисицы у него выходят скверные – ни один зверь не попадётся. Даже обычные олени косятся на него с подозрением и воротят морды.

Шаманский признак – единственная возможность стать полезным для семьи и рода. Шанс превратиться из пучеглазого неудачника с детским именем во взрослого и уважаемого человека. Но при всякой попытке Вэрдэ заговорить о признаке шаман выказывал недовольство и поручал какое-нибудь малоприятное задание – расчистить оленью площадку от помёта или залезть на самый верх лабаза, чтоб сбить с кровли отяжелевший снег. «Духи не готовы дать мне ответ», – понимал Вэрдэ. И продолжал ждать.

Вечерами Ангивче бросал на угли какой-то особенный дымокур и, когда по чуму расходился опьяняющий запах, рассказывал истории. Эти истории не походили на сказки о лисьей хитрости или о героях-охотниках, которые вдохновенно излагал Дёнун, а слушатели в нужные моменты ободрительно кричали «гэ! гэ!» или сочувственно «аю! аю!». Рассказы шамана были жуткими, завораживающими. Прикрыв ладонью часть разорванного рта, он описывал события не то древности, не то будущего: о том, как две железные птицы сцепились в схватке над вол-

нами Моря, о спящих под землей рогатых сэли⁴, о женщинах, убивающих великанов и подолгу живущих в их гниющих телах. Свои истории шаман сопровождал жестами, а порою так увлекался, что вскакивал, приплясывал, тарашил глаза. В эти моменты он уже не прикрывал дыру в щеке, но Вэрдэ всё-таки понимал его исковерканную речь. Это был особый язык, состоящий из бляения и всхлипов, из прыжков, кривляний и ужимок, из витающего по чуму пепла и дыма тлеющей травы.

Ангивче рассказал про *эндеки́т* – реку полного исчезновения, исток которой находится под семью облаками-небесами верхнего мира, а устье приносит воды к миру нижнему. В эндеки́те впадает множество притоков – *долбони*. У каждого шамана есть собственный приток, по которому он во время камлания доплывает до эндеки́та, затем поднимается по течению. В истоках шаман отыскивает дерево-лестницу и взбирается по нему на небеса. Тем же путём из верхнего мира спускаются его обитатели, если хотят поговорить через шамана с людьми.

– Как мне отыскать свой приток? – поинтересовался Вэрдэ.

– Отыскать долбони непросто, – ответил Ангивче. – Путь подскажут духи-помощники, обитающие в притоке. – Он замолчал ненадолго и, посмотрев вверх, продолжил: – Ещё с долбони связаны водовороты в земных реках. Но это путь в один конец, из него не возвращаются.

Люди в холода к шаману приходили редко. Как правило, это были охотники, от которых отвернулась удача и жизнь семей оказывалась под угрозой. Некоторые из них получали особенное средство – полоску белой краски, нанесённую на приклад ружья или на лук, обеспечивающую помощь духов. Считалось, такое оружие не знает промаха. Вэрдэ видел, как Ангивче эту краску готовит: трёт на точиле какой-то камень, при этом рассасывает рыбью кость и сплёвывает на порошок клейкую слюну.

Приводили больных – тех, кого не удалось вылечить привычными средствами. Мучившихся болями в спине и ногах шаман исцелял прижиганиями из подпалённого берёзового мха. Женщину с онемевшей рукой он избавил от недуга укусом – впился зубами в плечо и оборвал связь со зловредным Харги. Страдающему от гнили в лёгких, которому не помогали отвары и окуривания, Ангивче сделал татуировку, прошив кожу пропитанной сажей нитью. Рисунок походил на пересечение извилистых тропок, и с места пересечения этих троп началось выздоровление.

В конце месяца плеча⁵, когда морозы ослабли, к шаману явились люди из тыреевского рода – четверо мужчин и женщина. С собой они притащили две волокуши, в одной из которых находились продукты – лосинная нога, рыба, мешочки с солью, крупой и табаком, долблённые сосуды с оленьим молоком и жиром нерпы. А на второй лежала девочка годов пяти-шести.

Ангивче осмотрел бледное лицо девочки, заглянул за нижнюю губу, под оттянутые веки. Он удалился в ритуальный чум, где гадал по трещинам на медвежьей лопатке. И вскоре заключил: без жертвы больная умрёт.

Мужчины ушли за оленем, а девочка с матерью остались в чуме. Два дня Вэрдэ поил больную бульоном. Когда привели оленя и собирались проткнуть ему горло заточенной палкой, выяснилось: жертва не понадобится, девочка сама отправилась в нижний мир.

Однажды пришёл высокий старик с собакой. Вэрдэ вспомнил, что два года назад видел его у крепости оросов. Старика звали Малгаол, он был шаманом кингидинов.

Некоторое время два шамана сидели около очага и пили отвар из голубики с мукой. Затем Малгаол вынул из мешка родового идола и передал Ангивче.

– Нужна твоя помощь, – пояснил он. – Мой мухды отказывается есть.

Ангивче повертел идола, сунул палец в щель, изображающую рот.

– Чем ты его кормишь? – спросил он, приложив ладонь к щеке.

⁴ Сэли (*эвенк.*) – мамонт.

⁵ Месяц плеча – январь.

– Всегда давал кусочек жира, порою мясо. Но вот уже четыре луны всё выпадает из его рта. Он не принимает еду. Подскажи, Ангивче, что делать.

– Хэ! А где он у тебя стоит?

– На собственном месте в малу.

– Перевозишь его в инмэк?

– Только на священном олене.

Шаман призадумался, глядя на идола, и сказал:

– Вэрдэ, принеси-ка лучший кусочек жира.

Вэрдэ принёс один из кусочков, которые заготовил для жертвования. Шаман принял жир, но вместо того, чтоб впихнуть идолу в губы, бросил на угли. Когда жир загорелся и начал коптить, Ангивче поднёс лицо идола к дыму.

– Это для него особая честь, – пояснил он Малгаолу. – Не знаю, чем ты его разгневал, но теперь он уважен и станет принимать кусочки.

После того как жир догорел, Ангивче вернул идола с закопчённой мордой хозяину. Малгаол сунул его обратно в мешок.

– Ты поступил правильно, Ангивче. Я убедился, что к тебе можно по-настоящему обратиться за помощью. Духи не слышат меня, но твоим призывам они наверняка внимлют.

– Что тебе нужно? Олени?

– Откуда ты знаешь?

– Все с таким взглядом, как у тебя, хотят одного и того же – чтоб олени жирные были и собаки от голода не выли, а грелись сытые на солнце. Если же вылечить кого или родить – по-другому глядят.

Старик подозрительно скосился на Вэрдэ, затем сказал шаману:

– Ты прав, оленей становится меньше. Они всё чаще дохнут или теряются. А вместе со стадом чахнет мой род. Собаки и дети падают. Я не в силах остановить это, Ангивче. Нужен могущественный шаман – такой, как ты.

Ангивче понимающе кивнул. Он был явно польщён последними словами.

– Хорошо, мы проведём Кражу оленьих душ. Но для такого камлания потребуется ещё один шаман помимо нас с тобой.

– Твой мальчишка не сгодится?

– Пока нет.

– Тогда я приведу Хюркассана. И у него олени мрут чаще, чем рождаются.

Кражу оленьих душ сговорились провести, как сойдёт снег. В назначенный день к чуму начал стягиваться народ. Приходили представители разных обитающих у Моря племён – даже тех, у кого оленей отродясь не было (очевидно, они желали получить от шамана гадание или совет). И лишь кого-либо из своих Вэрдэ не замечал.

После полудня шаман облачился в костюм и расстелил в ритуальном чуме гичу с нарисованным змеем Дябдаром. Десять избранных наблюдали за камланием. Ангивче стал раскачиваться и издавать птичьи звуки: прерывисто засвистел на манер гагары, прокуковал, пропищал орлом. Он созывал духов-помощников. Потом, заткнув ладонью край уродливого рта, он запел и в песне подробно рассказывал, что с ним происходит. Доплыв до истока эндеkit, Ангивче взобрался на лестницу-дерево и сквозь отверстие хангар проник в верхний мир. Там отыскал поле, где пасутся души нерождённых оленят, выкрал охапку и поторопился обратно. Возвращаясь, он сам превращался в оленя, потому как души украденных животных овладевали им.

Вэрдэ был наготове и знал, что делать. Как только в шаманской песне прозвучало «ноги коснулись земли», он подошёл к выходу и откинул полог. Проникающий снаружи свет выхватил из сумрака содрогающееся тело Ангивче, его низко опущенную голову, плечи с торчащими костяными пиками – неизменными частями шаманского облачения. В следующий миг Ангивче распрямился, вскочил и, словно насмерть перепуганный, кинулся наружу. Там его уже поджи-

дали Малгаол и Хюркассан – первый держал аркан, второй – недоуздку. Шаман пронёсся мимо них, ловко уклонился от летящей на голову петли и помчался к лесу. Малгаол и Хюркассан побежали за ним. Вэрдэ вышел из чума и вместе со всеми стал глядеть на происходящее.

Малгаол и Хюркассан гонялись за шаманом между деревьями. Тот изворачивался, падал, вновь поднимался, совершал немислимые прыжки – так, что колени его оказывались выше плеч. Он изловчился забежать Малгаолу за спину и лягнуть его под зад. А замешкавшегося Хюркассана боднул в живот. Хюркассан под общий хохот сложился пополам. Наконец взбесившегося шамана удалось обуздать и привести обратно в чум. Он непрестанно дёргался, пытался высвободиться. Волосы его развевались, как проступающее за пределы головы безумие. От него во все стороны полетели шерстинки – так проявлялись украденные из верхнего мира оленьи души. Люди подбирали шерстинки, складывали их в мешочки-одёко. Это должно было принести хороший приплод и здоровье стаду.

Шаман постепенно возвращался к человеческому состоянию. Как только разлетелись последние шерстинки, он перестал вертеть головой и упал на расстеленную гичу. Камлание завершилось. Люди завязывали или зашивали мешочки. Кто-то присматривался к шерстинкам – в действительности ли оленьи? Вэрдэ, в отличие от остальных, нисколько не удивляло, что с человека налетела шерсть. Он знал: Ангивче набил ею костяную трубку, незаметно сунул в рот, а затем выдувал шерсть сквозь дыру, когда мотал головой.

Вэрдэ вышел наружу. После кражи оленьих душ ему предстояло немало работы – разложить по инмэк принесённые подарки, убрать съедобное в лабаз, навести порядок. Он огляделся и замер. Среди расходящихся гостей мелькнула знакомая спина. Тыкульча, Харги его закусай! Там был Тыкульча.

Снова возникло то двойное чувство, которое Вэрдэ испытал на собрании старейшин – ненависть к родным и в то же время страстное желание жить с ними. Какой толк быть уважаемым среди чужаков? Нужно добиться уважения своих, пусть и ненавистных. Проклиная своё сердце за радостное биение, он побежал догонять Тыкульчу.

Зачем дядька приходил на камлание? К добру или худу его появление? И почему не показывался? Вот, уходит, слова не сказав.

Тыкульчу он настиг уже в лесу. Дядька заметил его и, на несколько шагов отойдя с тропы, остановился. Жёлтый клык, как обычно, выглядывал из кривой ухмылки.

– Здравствуй, дулбун!

Вэрдэ только кивнул и замер, не зная, что сказать.

– Ну, зачем бежал за мной?

– Ты приходил... меня забрать?

– Если так, то не ушёл бы. Ты всё такой же недогадливый. Мне нужно было убедиться, что у тебя всё в порядке. Вот, убедился.

– Энё тебя попросила?

– Она. – Тыкульча глянул через плечо Вэрдэ, кивнул кому-то из проходящих по тропе. – Я передам, что у тебя всё хорошо. По-видимому, шаман тобою доволен.

«Удивительно, что хоть кто-то тобою доволен», – читалось по Тыкульчиной ухмылке и взгляду.

– А где сейчас стойбище? – спросил Вэрдэ.

– Ещё на многолюдство не съезжались. Кочуем по две-три семьи.

Не хочет говорить, где поставил чум... Может, и лучше – не знать. А то мысли о матери замучают. Почему она сама не пришла?

– Я не хочу здесь жить, – неожиданно для себя произнёс Вэрдэ. – Ангивче не подтверждает мой шаманский признак, не даёт мне новое имя. Я работаю на него – и всё.

– Имя!.. – усмехнулся Тыкульча. – Я знаю, тебе оно не нравится. Вот поэтому и называю тебе «дулбун».

Не попрощавшись, он направился к тропе и зашагал по ней прочь. Некоторое время Вэрдэ глядел ему вслед и пытался унять тряску в руках. Шаман говорил, что скоро плоть Тыкульчи истлеет, а души разлетятся. Когда это наконец произойдёт?

Немного успокоившись, он вернулся к чуму. Народ уже разошёлся, оставив после себя груды подношений. Лежали свёртки, мешочки, берестяные инмэк. Помимо съестного выделанные шкуры, связки беличьих хвостов, куски ткани, красные замшевые пояса, ложки из оленьего рога.

Ангивче сидел на своём излюбленном месте – на плоском камне под кедром. Он мазал жиром истёртую верёвками шею.

– Эй, Вэрдэ, где тебя носит? Нужно всё тут убрать.

Вэрдэ подошёл ближе, застыл прямо перед шаманом.

– Когда обратишься к духам, чтоб подтвердили мой признак?

– Сначала разбери, что принесли. Потом накормишь собак.

– Нет.

Шаман приподнял брови.

– Не сделаешь, что велят, – познакомишься с моим кулаком. Вы ещё не знакомы?

– Я даже Тыкульчиных кулаков не боюсь! – сквозь зубы сказал Вэрдэ. – Тронешь меня – сам будешь всё разбирать.

Ангивче встал и обошёл Вэрдэ кругом.

– Хэ! – воскликнул он, прижав щеку плечом. – Я-то считал, будто ты кроткий. А ты лягаться вздумал! Удивляешь меня! И время выбрал подходящее условия ставить.

Вэрдэ и сам дивился внутренним переменам. Он ли произносил слова или какой-то вселившийся в него смельчак? Всё внутри вдруг сделалось зыбким и подвижным. Трудно было предположить, кем он станет через мгновение.

– Ну раз так, – проговорил шаман, – завтра отправимся за Сердитую, и я проведу тебя сквозь лазейку-чичипкан. Посмотрим, насколько ты осмелел.

– Я каждое лето проходил лазейки.

Ангивче пренебрежительно махнул рукой.

– Нет-нет! Те, которые на праздниках, – детская забава. Я покажу тебе настоящий чичипкан. Сквозь него может пройти только шаман, остальные – умирают. Вот и узнаем, кто ты. Решишься на такое?

– Да, – с ужасом услышал Вэрдэ собственный голос. – Решусь!

– Хэ! Опять удивляешь меня! Ну, подумай до завтра. Может, к утру твоя смелость поиссякнет. К слову, я и сам никогда не пролезал через тот чичипкан. Вроде незачем... а главное – страшно.

4

Про речку Сердитую Вэрдэ слышал многое, и всякий раз – худое. То зверьё переломает ноги на её скользких камнях, то пришедший на запах падали медведь задерёт человека. Охотники рядом с Сердитой пропадали или возвращались помешанными. Бэркэнча рассказывал, как однажды рубил сосну, чтоб перебраться через вздувшуюся Сердитую, а когда закончил – вместо дерева в реку бухнулся одноногий демон и от него по воде заструились потоки жёлтой крови. Много нехорошего болтали про Сердитую. И редко бывали рядом с ней.

Вэрдэ всегда представлял, что Сердитая – нечто жуткое и мрачное. Но за еловым увалом, который они с шаманом преодолели, ему открылась одна из обычных речушек, что сотнями приносят Байкалу собранную с Хамарских хребтов водяную дань. Сверху, с увала, Сердитая выглядела приветливо. Солнце в её отражении множилось и казалось ярче того, что в небесах. Вода искрилась и кипела пенными бородами на перекатах.

Шаман вывел Вэрдэ на взлобье, где, растопырив корни меж огромных валунов, заглядывался на своё отражение кедр. Напуганные появлением людей, шумно вспорхнули две утки с хохлатыми затылками. Сердитая в этом месте была широка, спокойна, и Вэрдэ догадался: тут им следует переходить. Ангивче спустился к воде, бросил в неё кусочек вяленой оленины, шёпотом попросил духов быть милостивыми во время переправы. Затем побрёл поперёк течения, обходя блестящие, будто обмазанные маслом, горбы камней. На идущего следом Вэрдэ он даже не оглядывался.

Почва на другом берегу оказалась не такой каменной и чуть прогибалась под ногами. Лес был редкий, он простирался от Сердитой до проглядывающегося впереди рябого склона. Рябым склон делали камни, чёрные упавшие стволы и коряги. Похоже когда-то давно пожар пронёсся по лесистой вершине, убил что можно, а ветер теперь завершал дело – попеременно ронял деревья на сыпучую поверхность склона.

– Нам вверх, – угрюмо сказал шаман, когда они вышли к подножью горы. И, смешно переваливаясь на искривлённых ногах, начал подниматься. Поваленные деревья и пни он огибал так же, как и камни в русле Сердитой. Даже не цеплялся за корни и ветки, участливо протянутые навстречу.

Вэрдэ полез следом. За весь путь он не увидел никаких отметин – ни засечки, ни обломанной ветки. Шаман без подсказок знал, куда двигаться. Может, он и не врал, говоря, что проникновение под чичипкан грозит смертью? Некоторое время эта мысль тревожила Вэрдэ. Но, забравшись наверх, стоя и мучаясь отдышкой, он ощутил безразличие, словно не ему, а кому-то другому предстояло лезть в особенную лазейку.

Горы стояли, уткнувшись макушками в туман – ничего не разглядеть. Только внизу стелился лес, да извивалась Сердитая – тонкая и синяя, как венка.

Передохнув, шаман двинулся налево по взгорью. Повсюду лежали обгоревшие обломки, чёрными зазубринами торчали высокие пни. Потом снова начались склон и долгий подъём. Вскоре они взобрались на каменистую вершину, где не побывал пожар. Недалеко друг от друга высились лихо закрученные кедры. Некоторые стволы едва ли не вились кольцами, как змеи, – того и гляди набросятся.

Прикрыв дырявую щеку ладонью, шаман сказал:

– Когда-то тут сражались ветры с Моря и с долины. Потому их так скрутило. – Он оглядел Вэрдэ. – Ещё немного, и придём. Не передумал, не испугался?

Вэрдэ поводит головой. Он обречённо решил: пускай лазейка убьёт, если у него нет шаманского признака. Иначе хорошей жизни всё равно не видать.

Ангивче чуть спустился по другую сторону от вершины и остановился на небольшом плоскогорье. В тумане виднелись корявенькие сосёнки. Справа в мгlistую пропасть уходила

каменная осыпь. А впереди Вэрдэ различил высокое и толстое дерево с обломленной кроной. Это была сосна, точнее – две сосны, плотно сросшиеся боковинами стволов. Основания их росли в двух шагах друг от друга и между ними образовался невысокий треугольный проход. Шаман подвёл Вэрдэ ближе. Теперь было видно, насколько эти существующие в паре сосны разные. Правое дерево иссохло, посерело; кора местами сползла, на проплешинах виднелась окаменевшая плоть. Корни и нижнюю часть ствола до черноты облизало огнём – может, туда ударила молния или кто-то разводил костерок. А левое дерево будто бы высосало у собрата жизненные соки. Оно смолоточило, на ветках проглядывались побеги с молодой хвоей.

– Ползи, – просто сказал Ангивче. – Это твой чичипкан.

Вэрдэ уставился на лазейку. Вопросов в голове было больше, чем комаров на болоте. С этой ли стороны следует залазить? Где он окажется? Что почувствует? Вправду ли умрёт? Не поспешил ли он с решением? Постепенно мысли успокоились. Вопросы уже не требовали ответов.

Вэрдэ опустился на четвереньки, пригнулся и сунул голову меж основаниями сосны. Ход был не совсем ровным. Та часть, что обожжена, представляла собой плоскую изогнутую поверхность, подобную борту лодки. Она частично перекрывала обзор, но всё-таки можно было различить обычную землю и камни по другую сторону чичипкана, уходящий в туманную мглу кусок плоскогорья. Перебирая локтями, Вэрдэ пополз вперёд. Забравшись до пояса, он провернулся, приподнял зад, чтоб подстроиться под изогнутость хода, а затем червяком выбрался с другой стороны. Всё вокруг потемнело, словно путь под деревом занял много времени и наступили сумерки. Вэрдэ встал, чтоб осмотреться, и вдруг земля, будто склизкое бревно на мелководье, повернулась под ногами. Небо подалось вниз и вбок. Вэрдэ перелетел через голову и шибанулся спиной обо что-то твёрдое. От боли сковало дыхание и померкло в глазах. Он сдавленно прокряхтел, чувствуя, как боль притупляется, а вместо неё тело обрастает холодной и грубой шкурой страха. Отполз в сторону, суча ногами по рыхлой почве, огляделся и неожиданно понял, что померкло не только от боли – вокруг и в самом деле стало темно, лишь вверху бледнел неровный овал дневного света. Вэрдэ лежал на дне глубокой ямы.

Боль в спине вскоре приутихла, и он поднялся на ноги. Теперь, когда дыхание восстановилось, в нос шибал запах земли и прели, точно его закопали заживо.

– Эй, Ангивче! – прокричал Вэрдэ бледному овалу над головой. – Я провалился куда-то. Помогите!

Ответа не прозвучало. Доносилось посвистывание ветра, будто где-то наверху бродил шепелявый великан и напевал, напевал свою заунывную песню. И внезапно пронзила догадка: шаман нарочно отправил его в яму! Зачем? Может, решил избавиться от надоедливого сожителя? Может, Тыкульча что-то ему пообещал? А может – от этой мысли стало совсем не по себе – может, шаман принёс его в жертву, запустив в чичипкан, как бестолкового оленёнка?

– Ангивче, я внизу! – снова крикнул он. – Помогите выбраться! Слышишь?

И снова без ответа. Вэрдэ потрогал земляной склон рядом с собой – прохлада и сырость. Он обошёл яму и взглянул вверх. До края не дотянуться, это понятно. Но можно проковырять в земле выемки для ног и забраться, как по ступеням. Он прикинул, сколько придётся выкапывать ямок, как вдруг в памяти всплыло пугающее – то, что успел разглядеть за миг до падения: чёрная и рыхлая почва по эту сторону чичипкана, торчащие из неё камни – потемневшие от влаги, будто их только что перевернули, а чуть подальше... в этом не было уверенности, но кажется, Вэрдэ увидел торчащие корнями кверху деревья. Они росли задом наперёд.

Ознобом, как кипятком, обдало по спине. Где он находится? Что за страшная изнанка? Почему молчит Ангивче? Он снова хотел крикнуть, но раздумал. Шаман не откликнется. Если и вытащит, то, когда посчитает нужным. А если захочет, сможет? Он ведь никогда сам не проник в этот чичипкан.

Снаружи угасал день. Бледный овал над головой, словно ушиб, набухал теменью. Уже не доносились завывание ветра. Только собственное дыхание и боль в спине, звоном отдающая в уши. Вэрдэ поковырял пальцами стенку ямы. Почва подходящая, чтоб проделать уступ для ноги, и не слишком рыхлая. Можно выбраться из ямы, можно... Только пока будешь копать и лезть, снаружи совсем стемнеет. Тот вывернутый мир – не место, где хочется оказаться ночью. Даже если проползёшь обратно в лазейку, в темноте не спустишься с вершины, не проберёшься до леса и не перейдёшь Сердитую. Лучше дожидаться утра в этом сыром кармане.

Вэрдэ прислонился спиной к земляной стенке и, подогнув колени, сел. Можно нарыть корешков, попытаться развести огонь. Рядом с костром и сам Харги не страшен... но только не в этом мире. Кто знает, каких неведомых духов привлечёт свет? Вэрдэ скрестил на груди руки и уткнулся подбородком меж колен. И тут же ощутил, как его неумолимо тащит в сон.

Когда он проснулся, утро ещё не наступило, но рядом мерцал свет. Этот свет и разбудил через прикрытые веки. В яме в нескольких шагах от него горел костерок, а рядом, скрестив ноги, сидел патлатый мужик и наблюдал, как огонь поедает головёшки. Над костром на треноге висел закопчённый котелок, в нём что-то слабо и редко булькало.

– Быстро остывает, – сказал мужик и коротко глянул на Вэрдэ.

На мужике была просторная суконная одежда – серая рубаха и серые штаны. Всё свисало длинными складками с тощего тела и казалось мокрым. Сразу было и не понять, что у него с лицом. Потом Вэрдэ определил: правого глаза у мужика нет. Вместо него в глазницу вставлен камень, на котором по-детски неумело нарисован зрачок.

– Здравствуй! – произнёс Вэрдэ. Со злыми духами нужно разговаривать вежливо, не кричать и не ругать – так советовал Бэркэнча. А кто же перед ним, если не злой дух?

– Сдохни поскорее, – безразлично отозвался одноглазый.

Вэрдэ посмотрел вверх. Из-за света костра было не различить, что снаружи. Но догадаться несложно – там тьма, непроглядная, как медвежья шуба.

– Тебя прислал Харги? – спросил он одноглазого.

– Тебя – да. Ты не сам уходишь, а вопреки чужому безразличию. – Мужик достал из-за пояса длинную ложку, помешал ею варево, а когда вынул – ложка оказалась наполовину чёрной. Со вздохом он повторил: – Быстро остывает!

Вэрдэ ничего из сказанного не понял. Вроде и знакомые слова, но всё вразнобой... Он присмотрелся: справа от мужика возвышалась какая-то куча, которой раньше в яме не было. Слева грудой лежали сухие ветви. Да и сама яма как будто стала шире.

– Скажи, как отсюда выбраться? Мне нужно обратно под лазейку.

– Выпуклость? – переспросил одноглазый. – Эта, что здесь под верхушкой? Так я отсюда?

И Вэрдэ с ужасом осознал: с ним разговаривают на языке мёртвых.

– Не говори так, я живой! – сказал он одноглазому.

Одноглазый присмотрелся к нему.

– Живой? Так сразу и не скажешь! – Он снова помешал ложкой в котле. – Медленно закипает!

В костре разгорелась сухая ветка, озарив кучу рядом с мужиком. Куча состояла из обугленных головёшек, развалившихся грибов, завитков бересты, гнилых шишек и прочей дряни. Вэрдэ успел разглядеть бледный огарок свечи, какие остаются в шаманских чумах оросов, а ещё... посиневшую человеческую пятку и часть лодыжки. Размеры кучи указывали, что нога, скорее всего, отделена от тела.

– Значит, проник сюда через лазейку? – спросил одноглазый. – А как путь отыскал?

– Шаман привёл.

– Который?

– Имя шамана не произносят в разговоре с чужаками.

Одноглазый хохотнул.

– Сказок наслушался? Небось до сих пор веришь, что детей за корягой находят?

Подумав, Вэрдэ сказал:

– Ангивче – так его зовут.

Одноглазый поднёс к лицу ложку и задумчиво повертел. Чёрная, точно лакированная, поверхность переливалась при свете огня.

– Ангивче, Ангивче... – повторил он. – Не припомню такого шамана. Ах да!.. Этот! Какой же он шаман? У него мусун – как соли в речной воде. Говоришь, он привёл тебя? Вот нелепица – блоха лося одолела!.. Небось запомнил путь, показанный дедом, или ещё как-то прознал. Как вы шли?

– Перебрались через Сердитую. Затем вверх по склону...

– Ясно... – прервал одноглазый и широко зевнул. – А твой шаман не предупредил, что обратной дороги нет?

Вэрдэ не ответил. Не хотелось мириться с мыслью, что отсюда не вылезти. Говорить о таком – всё равно что смириться.

– Мне назад надо, – глупо сказал он.

Одноглазый снова хохотнул.

– Нет тут никакого «назад». И вверх не вскарабкаешься. А вскарабкаешься – лазейку свою не увидишь. Здесь так устроено: двигаясь куда-то, всегда оказываешься дальше. И чем дальше – тем хуже и труднее. Лучше сиди на месте.

– Шаман может выбраться. – Вэрдэ хотел сказать это с убеждённой уверенностью, но голос его дрогнул.

– Шаман – возможно. А ты?

– У меня признак...

– А-а, признак!.. – пренебрежительно перебил одноглазый.

Он обернулся к куче, пошарил там. А когда повернулся обратно, рука его уже была длиннее. Вэрдэ ошарашенно глядел на неё, затем понял: одноглазый держит отрубленную человеческую кисть с вытянутыми и чуть искривлёнными пальцами. Недолго думая, мужик отправил кисть в котёл и помешал варево ложкой. Обрубок медленно ушёл в чёрную гущу.

– Что ты готовишь? – спросил Вэрдэ.

– Угольную чернь.

– Для чего?

– Покупают. – Одноглазый, будто и сам недоумевая, пожал плечами.

– Продаёшь живым или мёртвым?

– А какая разница? Кто платит, тот и забирает. Моё дело – варить и не лезть в чужие дела.

Последнее было явно сказано как предупреждение. Вэрдэ немного помолчал, глядя на пламя. Затем робко поинтересовался:

– А платят чем?

– Да когда как. Иногда какой-нибудь секрет расскажут. Это мертвые в основном, у них, кроме секретов, ничего стоящего и нет. А живые... имя или здоровье отдадут. Если слишком кого прижмёт – жизнь.

– Имя? Ты можешь принять моё имя?

Тут голова у мужика приподнялась, так что выпятились небритый подбородок и похожий на деревяшку кадык, а в следующий миг мужик громогласно чихнул. Каменный глаз с нарисованным зрачком вылетел со своего места и шлёпнулся в золу рядом с костром. Недолго в глазнице мужика зияла дыра, затем он поднял камень, двумя движениями обтёр о штанину и ловко вставил обратно.

– Так нужна тебе угольная чернь или нет? – как ни в чем ни бывало спросил он.

– Зачем? Мне просто нужно вернуться... – Вэрдэ хотел было продолжить «...домой», но язык замер на последнем слове. Домой – это куда? В чум к шаману? Назад к Тыкульче? Для

начала нужно вернуться в привычный мир, где деревья растут корнями в землю, а в ямы не падаешь просто так на ровном месте.

– Имя у тебя дрянное, дрянное имя у тебя... – сокрушённо покачал головой одноглазый. – За такое много не получишь. А угольная чернь хорошая, забористая получается. Взял бы немножко, пока дают. И потом... – Нарисованный на каменном глазе зрачок уставился на Вэрдэ, как настоящий. – Разве не знаешь, что тебе отведено только два имени? Одно потратишь, а второе... второго даже и нет ещё! Без имени долго не живут – смерть. Твой шаман и об этом не рассказывал?

Он опять запустил ложку в котёл, помешал угольную чернь.

– А как зовут тебя? – поинтересовался Вэрдэ.

– Моих имён много, и я их меняю, когда захочу. Потому и живу бесконечно долго. Но все эти имена значат примерно одно – Сидящий В Центре Лабиринта. Знаешь, что такое «лабиринт»?

Вэрдэ поводил головой. Он никогда не слышал этого странного слова и вряд ли бы его повторил.

– Сколько можно прожить без имени? – спросил он.

– Мало. За такое время подрастёшь не выше мха. Но ты, наверное, уже не подрастешь. Вот-вот перекочуете в нижний мир. Так что готовь «походную» одежду – расстегни ремешки и застёжки, чтоб душе свободней выходить было. А из тела... из тела твоего я много отличной черни наварю. Странный ты, и чернь редкостная, необычная выйдет.

Ужас зашевелился под сердцем у Вэрдэ. Угольная чернь – из него? Но кое-что и обнадёжило: если он, по словам одноглазого, скоро отправится в нижний мир, значит, пока он ещё не там. Тогда где он? Что это за место?

– Помоги мне выбраться, – сказал Вэрдэ. – Я расплачусь именем. Отдам своё имя, его мне не жалко.

– Без имени быстро умрёшь. Не слышишь меня, что ли?

– Я вот-вот новое получу.

– Давно хотел получить, а так и не получил.

– Ну и что? Здесь-то я наверняка умру.

– И то верно! Не такой уж ты и дулбун, оказывается. Ладно, мальчик, смотри сюда.

Мужик приложил ладонь к правому глазу, наклонился и потряс головой. Когда он прямился, каменный глаз уже лежал на ладони, а в глазнице чернела дыра.

– Смотри сюда, мальчик.

Окоченев всем телом, Вэрдэ таращился на пустую глазницу. Чернота из неё будто бы выбиралась наружу, заполняла всё вокруг. Вэрдэ казалось, что он опять проваливается в какую-то яму.

– Смотри, мальчик, смотри...

Слова одноглазого, потрескивание огня, бульканье угольной черни в котле – все звуки растягивались и искажались, будто бы доносились со дна болота. И мысли становились тягучими, вязкими...

– Ты жив, мальчик!

Вэрдэ открыл глаза и тут же отвернулся – его ослепило полуденное солнце, появившееся на месте тёмной глазницы. Прищурившись, Вэрдэ огляделся. У него в изголовье высились сросшиеся сосны. Как истукан, на фоне синего неба застыл Ангивче – он обеспокоенно глядел на Вэрдэ сверху, а из дыры в щеке – Вэрдэ впервые такое видел – свисала нитка слюны.

– Что случилось? – Вэрдэ присел и потрогал виски, пытаясь унять головокружение. – Я выбрался?

Шаман обошёл его. Прежде чем приложить к щеке ладонь, обтер слюну запястьем.

– Хэ! Ты и не забрался до конца, мальчик. Забыл? Наполовину пролез и замер – умер, кажется. Я взял тебя за ноги и вытащил. Сейчас ты жив. Нужно отблагодарить духов за то, что не впустили тебя.

Вэрдэ поднялся на ноги и заглянул за сросшиеся сосны. Там простиралась каменистая почва, плавно переходящая в осыпавшийся склон. Несколько пней, стоящих поодаль друг от друга. Похожий на седло скалистый выступ. Никакой ямы, никаких деревьев, растущих корнями кверху.

– Ты говорил, я умер?

Ангивче кивнул.

– Потрогал твою руку, когда ты замер под чичипканом. Жилка в ней не билась – значит, и печень-сердце молчали. Скажи, что видел?

– Не помню. Кажется, я пролезал на ту сторону.

– Не пролезал. Я же говорю – остановился на полпути.

«Неужели всё привиделось? – подумал Вэрдэ. – Не было ямы и варящего угольную чернь одноглазого? А если всё привиделось, то почему шаман перестал обращаться ко мне по имени?»

Он глянул по сторонам. Туман уже сполз к подножью гор, поделился на клочки, которые таяли, попрятавшись от солнца в расселинах и складках. Судя по всему, прошло немного времени с тех пор, как он... А казалось...

– Скажи, Ангивче... – У Вэрдэ сдавило горло, и во рту не нашлось влаги, которую можно сглотнуть. – Шаманы могут проходить этот чичипкан, все остальные умирают. А я вроде и был по ту сторону, а вроде и нет. Умер, но остался жив. Кто я тогда?

Ангивче долго не отвечал, оглядывая Вэрдэ не то с сочувствием, не то с любопытством.

– Ты не шаман, это уж точно. Но и не обычный мальчишка. Ты – Идущий Между.

5

Слабо краснели угли в очаге, курился травяной дымокур. Ангивче сидел, приложив ладонь к щеке, и глядел в полумрак перед собою.

– Наш народ помнит и чтит великих предков. Их имена передаются от родителей к детям много-много-много раз. Мы знаем про Бэркэна и Ховоко – сильнейших охотников-воинов; они ловили вражеские стрелы на лету, медведей через голову бросали, взбирались на деревья, подобно белкам, и прошибали стрелой шестерых поставленных вплотную быков. Помним старого-престарого Онгыниля, который, несмотря на свой возраст, сделал живот молодой девице и убил тридцать великанов. Ещё был шаман Муривул. Он сам слепил себе невесту – душу выкрал с древа жизни в верхнем мире, а для тела оживил плоть матери, упокоенной в дупле. Таких героев много. Но были и те, о которых, кроме шаманов, мало кто знает – Идущие Между. О них мне рассказывал дед. Они идут между мирами, между добром и злом, между жизнью и смертью. С тех пор когда земля была мала, мир посещали лишь несколько таких людей. А может, их было и больше, просто мы не знаем.

Дымокур вспыхнул огоньком, и шаман погасил его, постучав палкой. Вэрдэ заметил, что рука у шамана дрожит. Он настолько взволнован? Или напуган?

– Чем же эти люди отличаются от остальных?

– Их действия непонятны нам, да и им самим, наверное, тоже. Идущие Между творят волю высших духов и божеств. Иногда это зло, иногда добро – в нашем людском понимании. Они что-то среднее между шаманами, духами и обычными людьми и в то же время совсем другие, ни на кого не похожи. Вот, скажем, река эндекит и притоки-долбони. Смертные их никогда не видят, шаманы видят закрытыми глазами с помощью духов, а Идущий Между может отыскать эндекит без всякого камлания – тут, в окружающем нас мире. Возможно, ты слышал про Мангы Деромго. Он дошёл на лыжах до края земли, где верхушки деревьев касаются свода небес. Там он своими собственными глазами различил отверстие хангар – то самое, которое могут видеть лишь бог Оксори, злой Харги да птица Догивки. Мангы Деромго взобрался по лестнице-дереву в хангар и отправился в верхний мир. Он ушёл туда с руками, ногами, туловищем и головой, с кровью, костями, волосами и тем, что было в животе.

– Разве такое возможно?

– Нет. Это всё равно что родиться наоборот. Но для Идущего Между – возможно всякое.

– Ты сказал: бывает, они творят зло...

Ангивче вздохнул, и Вэрдэ опять показалось: шаман пытается скрыть свой страх.

– Хе! Я сказал: добро и зло, в нашем людском понимании... Тот же Мангы Деромго, прежде чем идти на лыжах, свернул голову своей сестре – после этого ему и пришлось бежать. Разве это не зло? Но поступок привёл его к отверстию хангар и лестнице-дереву. А сестру он убил, потому как она от зависти превратилась в человекоедку. Вот так – добро и зло подгоняют друг друга, а иногда меняются местами!

Шаман замолчал, и в наступившей тишине Вэрдэ силился осмыслить услышанное.

– Почему ты уверен, что я такой?

– Духи долго не подтверждали и не опровергали твой шаманский признак. И с чичипканом вышло странно. А ещё... – Ангивче убрал от лица ладонь, размял пальцы, затем соединил щёку с плечом. – Мой дед предрёк, что я Идущего Между встречу. Долго я считал это каким-то странным наставлением. Затем понял: дед предостерегал меня.

– Предостерегал? От чего?

– Идущие Между исполняют неведомую волю божеств. А окружающим смертным они приносят несчастья. Мангы Деромго убил свою сестру. Шинтавул оставил жену на съедение волкам, а дети его умерли от заразы. Не знаю, почему так, но сблизиться с вами опасно.

Тыкульча – опытный охотник, он распознал угрозу. Сам не зная, почему он возжелал избавиться от тебя. – Ангивче утробно хохотнул. – Теперь-то можно сказать правду. Он ведь привёл тебя, чтоб избавиться.

«Как будто я не знал правды! – подумал Вэрдэ под скрип собственных зубов. – Теперь хоть ясно, отчего Тыкульча меня возненавидел. Ненависть его проистекала от страха и непонимания».

– Почему было сразу не сказать?

– Разве такое говорят детям? Да никто и не был уверен. Что, если бы ты и вправду стал шаманом?

Вэрдэ заметил какое-то движение позади Ангивче. Это прирученная белка как ни в чем не бывало пробежала по чуму.

– Но ведь я никогда не видел реку-эндекит и её притоки.

– И Мангы Деромго не сразу отверстие хангар увидел, – Ангивче кряхтя поднялся. – Пойдём, покажу что-то.

Они вышли из чума. Багряный бубен солнца уже коснулся верхушек пихт. По небу рассыпались полупрозрачные, похожие на ракушки облака. Рядом с оленьей изгородью, поскуливая, крутились голодные псы – им было запрещено приближаться к жилищу, где можно испортить нюх лишними запахами.

Шаман повёл Вэрдэ через берёзовую рощу, мимо обнесённого гулаканом ритуального чума, через нагромождение валежника в пересохшем русле. Остановившись на полянке между четырёх истуканов, он указал Вэрдэ на одну из вырезанных рож.

– Как думаешь, кто он?

Вэрдэ пожал плечами. Когда-то он считал, что эти истуканы – стороны света. Тот, на которого сейчас указывает шаман – *тыктэн*, падение солнца.

– Так мой дед изобразил тебя, – хмуро пояснил Ангивче. – Это – Идущий Между, от которого, как бы ни было любопытно, нужно держаться подальше. Даже такому шаману, как я, с мусун Дябдара.

Вэрдэ осмотрел лицо истукана и не обнаружил ничего схожего с собой. Лицо и человеческое-то не напоминало – злобная пасть, клюв торчком, глаза точно яйца – овальные и выпяченные. За многие годы идол выбелился, и было не разобрать, из какой древесной плоти он состоит. Если б не трещины, можно подумать, что и каменный.

– Его никогда не кормили, он стоит здесь предупреждением, – продолжил шаман. – Но можешь покормить его. Точнее – себя. Возможно, получишь какие-то подсказки. Ну а мне сказать больше нечего. Делай как знаешь, только около меня не живи.

Он побрёл обратно к чуму, и вдалеке, завидев его приближение, радостно взвизгнули псы. Оставшись один, Вэрдэ сел на землю и задумался. Удивительно, насколько длинным оказался день. И как много всего произошло. Он даже успел ненадолго умереть. Может, и лучше б было? К чему жизнь, в которой ничего не остаётся? Даже имени он лишился – детского, отпугивающего, ненавистного, но всё-таки своего имени, единственного имени. Теперь он сам, как истукан, которого нужно обходить стороной. Идущий Между!.. К чему ему быть каким-то особенным? Он, не раздумывая, сменил бы эту жизнь на любую другую, как охотник меняет лесную одежду на домашнюю перед входом в чум.

Вэрдэ присел к другому истукану, прислонился к нему спиной. Он решил заночевать на этой полянке. Если станет слишком холодно – пойдёт в ритуальный чум и укроется шкуркой, на которой шаман камлает.

Начало смеркаться. Идол, якобы изображающий Идущего Между, слепо таранился перед собой. Несмотря на гневный вид, он был не страшен. Вэрдэ подумал: «Отчего вообще верить во всё это? Может, Ангивче обманывает? Сначала врал, что, пролезая под чичипка-

ном, умирают. Затем придумал этого Идущего Между...» Шаман ведь тоже хочет от него избавиться. Нельзя ему верить, нельзя.

Он вынул из-под одежды фигурку медведя, задумчиво её повертел. Даже если не верить Ангивче, что это меняет? Всё равно он никому не нужен. Пустой кедровый орешек, к которому белка даже не притронется. Пока надвигалась темнота, мрачные думы сменялись одна на другую. А когда думы развеялись, в голове остался единственный вопрос: что делать дальше? С этим вопросом Вэрдэ и уснул, а его деревянное отображение всю ночь пялилось на него выпученными глазами.

Утром, проснувшись с восходом, Вэрдэ уже знал ответ. За миг до пробуждения он ухватил ответ, как рыбу, и вытащил в реальный мир. Что делать дальше? Нужно дождаться, когда Ангивче поведёт оленей на выпас или ещё куда удалится. Нужно взять в чуме заплечный мешок, собрать вещи и продукты из лабаза. Нужно вооружиться шаманской пальмой⁶... и отправиться убивать Тыкульчу.

⁶ Пальма – сибирское оружие с лезвием на длинном древке.

6

Отойдя на один переход, Вэрдэ остановился у безымянной речки. Впереди за лесом вздымалась Ежовая гора: обогнёшь её – и выйдешь к месту многолюдства около болот. Но сейчас туда не надо: Тыкульчу или родных там не встретишь. Надо держаться западнее Моря, отходить к долине.

Он вынул чашку и черпнул из реки. Есть совсем не хотелось. С таким аппетитом прихваченных у Ангивче запасов хватит надолго. Если к тому времени не удастся убить Тыкульчу, будет есть ягоду, сарану, да что угодно, будет голодать, но от задуманного не отступится. Он пока не решил, как будет убивать. Для начала нужно отыскать чум, а там поглядим.

На душе было спокойно, в голове – ясно. Так и должен чувствовать себя охотник. Его не беспокоят домашние заботы, голод и болезни родных, чьи-то насмешки. Все мысли подчинены одной задаче – выследить добычу. Остальное – потом. Остального как бы и нет пока.

Закапал дождь, и Вэрдэ пересел под лиственницу. По туче было видно, что непогода пройдет стороной. Вспомнилось, как позапрошлым летом они с мальчишками купались в такой же речке, жарили мелкую рыбу на углях, сами жарились на солнце. А когда прилетела туча, Вэрдэ обратился к ней голый зад. Похлопав по заду ладошками, он прокричал «заклинание»: «Солнце! Солнце! Мой зад мокрый, а твой сухой. Выгляни, посмотри, высуши!» И солнце под общий хохот выглянуло из-за тучи. Никто в тот день не говорил, что у него кружит разум. Никто не называл дулбуном.

Когда дождь прекратился, он продолжил путь. Перебрёл через речушку и, обходя Ежовую гору с запада, направился к долине. Вскоре появилась тропа, ведущая к речке Голой. Наверняка Тыкульча поставил чум на одном из своих любимых уриkit⁷ – там, где Голая, заканчивая блуждать по лесистым предгорьям, двумя падунами ныряет в долину. Красивое место, удобное. Есть где пастись оленям. Есть где охотиться.

Шлось хорошо. Тропа понемногу вела вниз. Сосны укрыли её от недавнего дождя, камни и корни остались сухими, олочи по ним не скользили. Вэрдэ вышел к берегу Голой, где тропа соединялась с более широкой. Остановился и осмотрел деревья. В засеках могли находиться веточки-знаки или комья мха, но их не оказалось.

Голая в этом месте, шипя и плюясь пеной, огибала огромное каменное яйцо, воткнувшееся в её русло. Считалось, что это яйцо, придавившее Килдынакана. Однажды в детстве Килдынакан зевал под деревом и ненароком проглотил вывалившееся из гнезда яйцо. Оно сделало его силачом, непобедимым воином, удачливым охотником. Но Килдынакан не помогал людям, часто использовал силу во зло, и Буга наказал его, сбросив с неба другое яйцо – большое, каменное.

Не став рассиживаться, Вэрдэ пошагал вдоль реки. Хотелось поскорее отыскать стоянку Тыкульчи. Тогда отдохнёт и перекусит, тогда всё спокойно обдумает. К падунам он добрался после полудня. Дальше лучше было не спешить, иначе собаки учуют и поднимут лай. Он сошёл с тропы, через подлесок продрался к скалистому выступу, с которого открывался вид на низину. За шум он не переживал: расстояние слишком большое, чтоб собаки или олени услышали, да и гул падающей воды всё скроет. А вот на скалу нужно лезть осторожно – не спустить камни. Отложив пальму и заплечный мешок, он взобрался на обляпанную красным лишайником площадку, там подполз к краю и глянул вниз.

Река, будто не в силах опомниться от падения, замирала глубокой заводью, затем её русло мельчало и широкой лентой раздвигало лес. Повсюду на мелководье торчали камни, поросшие кустарником островки, кочки, увенчанные мшаными шапками. Застраившие меж этих препят-

⁷ Уриkit – временное стойбище.

ствий деревья и ветки почти полностью перегораживали реку. Далее лес отступал от берегов, и Голая беспрепятственно лилась через равнину – за это и получила своё название.

Место у заводи, на котором Вэрдэ ожидал увидеть чум Тыкульчи, пустовало. Дядька разбил стоянку не здесь.

* * *

Когда такое было, чтоб кумкагиры убивали друг друга? Они даже не грабили и не воровали. Бывало, некоторые семьи враждовали, но недолго, старейшины их мирили. И до убийства дело никогда не доходило – в крайнем случае могли предупредить обидчика пролетающей над головой стрелой.

Вэрдэ размышлял об этом, жуя вяленую оленину. Он устроился в стороне от места дядькиной стоянки. Когда спустился, обнаружил жерди для чумов, в кустах – морды, которыми рыбачил Уняни, старший сын Тыкульчи. Под укрытием из бересты и ветвей лежали остатки дров. Чернело пепелище прошлогоднего гулувуна – большого костра-дымокура из трёх составленных чумом брёвен. Всё указывало на то, что Тыкульча здесь ещё не побывал. Что-то его задержало. Или увело на другое место.

«Никто не должен видеть меня, – думал Вэрдэ, – никто не должен заподозрить, что я искал Тыкульчу. Иначе – слава первого кумкагира, убившего своего родственника – почти что отца. Даже представить сложно, как к такому отнесутся».

Когда стемнело, он развёл костёр, уже не опасаясь прихода Тыкульчи или того, что дым заметят со стороны. Раскалил плоский, изогнутый камень, напёк на нём лепешки и, обмазав перпячим жиром, съел.

Деревья вокруг слились в единую обступившую костёр тьму, вверху угадывалась зазубренная кромка, из-за которой выглядывали звёзды. Отдалённо шумели падуны, и сквозь их шум пробивались мнимые звуки – какие-то взволнованные разговоры, женский смех, удары весла по водной глади, лай собак.

Вэрдэ вспомнил лето, когда на месте у падунов стояло много чумов. В тот год праздновать сэвэкан съехались не только кумкагиры, но и люди других родов. Установили большой ритуальный чум. Перед ним – чичипкан из двух листовенниц. Шаманы окуривали проходящих людей дымом, отчищая тела от болезней, а души от накопившейся за год пакости. После камлания грели на костре кусочки сала, накрест мазали людям тыльные стороны ладоней. Затем в ритуальном чуме начался общий круговой танец, с перерывами длящийся восемь дней. На центральную жердь вешали подарки божествам: отрезки материи, шкурки лис, белок, росомах. Угощали огонь лучшими кусочками, просили здоровья и достатка всем родам. На восьмой день шаманы, закатив глаза, уплыли по эндекит – навстречу задобренным божествам, а вернулись с благополучием на предстоящий год – для всех.

В тот сэвэкан, пока Тыкульча с мужчинами стрелял по деревянной фигурке оленя, мать вручила Вэрдэ еловую ветвь. Взявшись за руки, они трижды обошли свой чум, упрашивая Бугу отблагодарить их за добрые дела. И Буга отблагодарил: Вэрдэ достался расшитый жёлтыми и синими узорами аргабас – красивый и тёплый.

Вместе с воспоминаниями подступала обида. А за обидой – злоба. Не хотелось думать, что мать позволила отдать его в работники шаману, что обещала навестить и не навестила. Думать не хотелось, но мысли лезли, лезли... Энё тоже помышляла избавиться от него? И для неё он бесполезный придаток, посмешище семьи, дулбун, живое напоминание о позорном прошлом? Вэрдэ понимал, что начинает ненавидеть мать, как и остальных. И себя ненавидел, за то, что ненавидит её. Нет, всё не так, не так!.. Это Тыкульча запугал её, заставил... Убить его – и всё исправится. Не смог убить иголой белку, а Тыкульчу сможет. Это ведь и не убийство, а спасение себя, борьба за жизнь, судьбу, за место рядом с матерью.

Лёжа около углей, он долго размышлял: дожидаться Тыкульчу тут или продолжать поиски? Уходить от падунов не хотелось. Но что, если дядька вовсе не придёт сюда? Всё-таки лучше утром отправиться на запад, к крутой излучине Несущей воронки реки. Если Тыкульчи нет здесь, значит, остановился на одном из ближайших уричит. Он ведь не мог приходить на Кражу оленьих душ издалека.

Утром Вэрдэ преодолел протоки на мелководье и берегом Голой двинулся через равнину. Он понимал, что в раннее время не встретит кочевье, но всё-таки торопился миновать открытое место, где заметен издалека. Лучше было бы обойти с юга, через лесистые холмы. Если разминётся с Тыкульчей – увидит по следам. Но на холмах нет хорошей тропы: путь увеличится вдвое и отнимет много сил. К тому же там на холмах – лес с мёртвыми лицами.

Когда-то пришедшие из-за Моря предки сражались с мойогирами и баргутами за право кочевать по этим землям. Тогда проливалось много крови. Однажды ночью воины спустились из леса и убили всех мужчин на многолюдстве. Они предполагали, что души убитых наверняка отправятся их преследовать. Потому уходили через лес, где заранее сделали на деревьях стёсы с вырезанными лицами. Души врагов, двигаясь по пятам, вселились в изображения на деревьях и не смогли за себя отомстить.

«И мне, прежде чем убить Тыкульчу, нужно вырезать на стёсе лицо, – подумал Вэрдэ, – просто так он меня не отпустит, но я всё предусмотрю, обману его даже мёртвого».

Тропа извивалась по равнине, то отдаляясь от берега Голой, то возвращаясь к нему, огибала болотистые поймы, взбиралась на пригорки. Свежих следов видно не было. Вэрдэ решил передохнуть в березняке, где не будет заметен. Дойдя до деревьев, он замер. На одной из берёз была недавняя засечка и вставленная в неё ветвь. Указатель Тыкульчи. Так дядька сообщает другим семьям, где остановился. Вершина ветки указывает направление – северо-запад. Три маленькие зарубки – расстояние.

Вэрдэ присел на валежину, в задумчивости почесал нос. Почему Тыкульча ходил к Ангивче из такой дали? Он мог перекочевать к падунам и даже дальше на восток, а уже оттуда наведаться к шаману. Скорее всего, Тыкульча осматривал охотничьи места, примечал, где лучше встать семьями, а заодно решил и племянника проведать – не сдох ли... Значит, нужно двигаться на северо-запад. Путь – на оставшуюся половину дня. Если до вечера удастся отыскать стойбище, уже ночью можно исполнить задуманное. Понять бы только, как убивать.

Три засечки, три нулги, три перехода... Вэрдэ миновал раскалённое, как сковорода, поле, долго шёл лесом, взбирался на седловины между холмов. Дважды тропа терялась, но, выбирая удобные для прохода места, Вэрдэ снова на неё выбредал. В грязи около ручья он увидел свежие следы. Подкованные лошади – значит, проезжали оросы.

К вечеру, когда он уже едва переставлял ноги, стала портиться погода – духи неба гневались на кого-то, или рядом проходил волосатый великан Дэрэ Ньюриктэчи. Из-за южных гор дуло холодом, полезли тёмные тучи. Вэрдэ с тревогою ожидал грома: обычно он и при далёких раскатах вздрагивал, а если громыхало рядом – готов был в землю зарыться. Как-то ночью во время грозы Тыкульча выставил его из чума – чтоб переборол свой страх. Но после той ночи, проведённой в ужасе и холоде, Вэрдэ стал бояться ещё сильнее. Агды⁸ представлялась ему железной птицей с огненными глазами; от взмахов её крыльев происходил гром, а от сверкания глаз – молнии.

Макушки деревьев дружно склонились от порыва, следом хлынул ливень. Вэрдэ шёл отплевываясь, смахивая влагу с лица. Он снова потерял тропу и, ориентируясь по серым и бурым сторонам сосен, двигался на север в надежде выйти к берегу Танцующей. Сквозь пелену дождя едва разглядел зубастый скальник слева от себя и сообразил, что давно идёт вдоль Танцующей. Свернул, пробрался через урему и вышел к берегу. Река кипела от падаю-

⁸ Агды (эвенк.) – единое слово для обозначения грома, грозы, иногда молнии.

щих капель. На другом берегу громоздкой мокрой тушей покоился лесистый увал. Стоянка Тыкульчи совсем недалеко. Она ниже по течению – там, где Танцующая выгибается и к ней, будто тетива к луку, примыкает приток.

Прогремел гром – отдалённый, тревожным эхом отозвавшийся в сердце. Птица-агды пролетела стороной. Вэрдэ вернулся в лес, под защиту деревьев, и пошёл вниз по течению, держась, чтоб река находилась в видимости. Ливень скоро закончился. Тучи отнесло, и мокрые кроны блеснули в последних солнечных лучах.

Выйдя к небольшой поляне, Вэрдэ остановился перед лиственницей. Он хорошо помнил это дерево с глубокой, похожей на полку зарубкой. Если на охоте в этих местах удавалось добыть медведя, Тыкульча вынимал у мёртвого зверя глаза и клал на маленькие носилки из бересты и прутьев. Вместе с Вэрдэ они относили глаза в лес – подобно тому, как относят тело перешедшего в нижний мир человека. Тыкульча перекладывал глаза в зарубку на лиственнице и говорил: «Дедушка, примани удачу – новую добычу! Дедушка, даруй удачу – новую добычу!» Дважды Вэрдэ участвовал в этом. После, когда Тыкульча удалялся, он подолгу стоял и смотрел в глаза на дереве, а рассевшиеся по веткам вороны уже нетерпеливо переругивались... Сейчас зарубка пустовала, что неудивительно – удачная охота на медведя выдаётся редко.

За лиственницей начинался ивняк, через который вела едва намеченная тропка. Вэрдэ пошёл по ней – и раньше, чем ожидал, оказался перед широкой поляной. На другой стороне, шагах в ста от него, стояли два чума. Уже смеркалось, и из отверстий сверху бил красноватый свет очагов. Справа от чумов – навес для оленей из нескольких тонких лиственниц, соединённых макушками. Животных под ним не было, вечером, когда отступала жара, они уходили пастись.

Вэрдэ отступил обратно в ивняк. Хорошо, что ливень смыл запахи, ветер стих, и собаки ничего не учуяли. Птица-агды не напрасно пролетала, она помогала ему.

7

Когда-то земля была мала, словно шкурка с головы оленя-мойки. На ней росли травы и деревья, жили первые люди. Ночи в то время не было, солнце светило постоянно. Однажды небесный лось поддел рогами солнце и убежал. Лосиха-матка, всегда ходившая за лосем, и в этот раз последовала за ним. На земле впервые наступила тьма. Испуганные люди и не знали, что делать. Единственный, кто не растерялся, – силач Мани. Он взял двух собак и пустился вдогонку за бегущими по небу лосями. Заметив погоню, лось передал солнце лосихе и стал отвлекать собак. А лосиха побежала на север, намереваясь нырнуть в Небесную дыру⁹. Подоспевший Мани застрелил лося, но солнца у того не оказалось. Он осмотрел небо, увидел лосиху, спешащую к Небесной дыре, и понял: не догонит. Мани начал стрелять из лука. Его первая стрела легла в двух шагах перед лосихой, вторая – в одном, а третья точно угодила в цель. Мани взял украденное солнце, и, как только вернул его людям, все участники погони превратились в звёзды.

С тех пор день сменяется тьмой, а небесная охота еженощно повторяется. Каждый вечер лоси выкрадывают солнце, Мани с собаками гонится за ними, а утром возвращает светило людям.

Вэрдэ лежал у тлеющих поленьев и глядел на созвездия: тут – охотник с луком, тут – следы его собак, четыре звезды – убегающая лосиха, перед ней в ряд – два следа от стрел Мани и Небесная дыра, к которой лосиха спешит. В эту ночь всё закончится, как обычно: лосихе не спастись.

«Небесная охота длится вечно, а моя началась недавно и скоро закончится», – думал Вэрдэ. Ему не спалось. Он мёрз, пододвигался ближе к углям. Лес вокруг вздыхал, как старик. Чудилось, будто идёт Тыкульча с медвежьими глазами на носилках.

Утром его разбудил собачий язык, лижущий лицо. Это был Ганган – один из псов Тыкульчи. Вэрдэ вскочил и огляделся: неужели дядька застал его врасплох? Но никого, кроме пса, рядом не было. Ганган бегал кругами, заискивающе смотрел, повизгивал и вилял хвостом.

– Тише, тише!.. – Вэрдэ присел, потрепал пса по холке, почесал между ушей. – Как ты отыскал меня? След нашёл?

Ганган твякнул.

– Тише, говорю! Угощать тебя не буду, иначе остальным расскажешь.

Вэрдэ поднялся, хлопнул в ладоши и указал в сторону чума. Затем провёл рукой перед собой, будто рисуя черту у ног. Пёс взглянул с сожалением, проскулил и побежал обратно к поляне.

– И никому не говори, что видел меня, – сказал Вэрдэ ему вслед.

Утро было ясное. По небу тянулись четыре светлые полосы, словно какая-то лапа царапала синеву. Деревья стояли в косматом тумане, как олени в чаде дымокура.

Перекусив, Вэрдэ пробрался к поляне, выбрал с подветренной стороны место в зарослях и лёг наблюдать. Ещё вчера он определил, что дальний чум – Тыкульчин, а тот, что поближе принадлежит Уняни. Между жилищами, будто тяготясь бездельем, прохаживались собаки. Олени паслись неподалёку, у леса.

Из ближайшего чума вышла жена Уняни, раздула тлеющий гулувун. Показалась дочка, сходила с котлом до реки, повесила над огнём. Они что-то сварили и утащили в чум. Спустя некоторое время жена Уняни отнесла свёрток в чум Тыкульчи и вернулась к себе.

Вэрдэ лежал, не понимая, что происходит. Где Тыкульча? Почему не появляется энё? В голове – пока ещё слабо, робко – зашевелились предательские мысли: может, вернуться домой,

⁹ Полярная звезда.

никого не убивая? Тыкульча не прогонит сразу. Да, поиздевается, что-нибудь гадкое выдумает. Но можно потерпеть его нападки, пожить какое-то время с матерью. А там, глядишь, представится какой-нибудь случай отправить Тыкульчу вниз по эндеkit – ядом накормить или ещё как... Только вот энё – сама-то она хочет, чтоб он вернулся?

Солнце выглянуло меж верхушек деревьев, нарезало ломтями туман, оживило зелёно-белый ковёр из травы и ромашек. Появился Уняни. Он сходил до оленей, долго осматривал их рога и головы, затем как будто выругался и с досадой хлопнул себя по бедру. Приведя двух оленей ближе к чуму, Уняни взял ножик и принялся срезать незатвердевшие кусочки рогов. Принёс коробочку – видимо, с солью; посыпал животным на головы.

«У оленей иемни», – догадался Вэрдэ. Болезнь появляется в первой половине лета, когда мухи откладывают личинки в ссадины и сломы на рогах. Если вовремя не заметить, гной и червяки поразят незатверделый рог, затем продвинуется к голове. Уняни, похоже, не сразу заметил, потому такой недовольный.

Где же все-таки Тыкульча? На охоту уйти не мог – собаки остались. Может, они с энё заболели? Размышляя и не находя ответов, Вэрдэ отлежал все бока. Терпение у него заканчивалось, и какое-то чутьё подсказывало, что в ближайшее время на стойбище ничего не поменяется.

Он уже решил вернуться к своему месту за лиственницей, как вдруг осенило: Уняни, олени, соль... Всё в один миг сделалось понятным: почему нет Тыкульчи, почему он не перекочевал к падунам, почему собаки без него на стойбище.

На юго-востоке за Ягодной горой был солончак, у которого Тыкульча подстерегал зверьё. Дядька считал это место своим и никому про солончак не рассказывал. Он и сам охотился там редко – говорил: «место пропитается смертью, лось перестанет приходить». Прошлым летом Тыкульча не охотился скрадом, видимо сейчас решил, что пора.

«Духи помогают мне, раз привели сюда в подходящее время», – подумал Вэрдэ, и сердце его взволнованно забилося. Однажды он был с дядькой на охоте у солончака. Хорошо помнил ямы, к которым приходят звери. Помнил место, где скрывался Тыкульча. Там же Тыкульча будет скрываться и на этот раз.

Один только Харги знал, почему Ягодную гору так называли. Должно быть, ягоду в этих местах последний раз видели в сказочные времена нимканан, когда земля только начинала ставиться. Сейчас гора была какой-то кособокой, с поредевшим на северной стороне лесом. Её уродовали многочисленные канавы и рытвины – видимо, следы некогда прорывающихся из недр источников. Кое-где на склонах вместо земли или булыжников рыжела окаменевшая пена. Единственный не пересохший источник находился по другую сторону Ягодной в распадке, а чуть выше источника – две неглубокие ямы с белыми от соли краями, там всегда что-то сочилось, булькало, дышало и жило.

Вэрдэ пришёл на Ягодную к сумеркам. Тыкульча, если ему не повезёт сразу, может охотиться по несколько суток. Ночами он караулит зверя, днём пережидает, вечером отсыпается. «Мне и самому по-хорошему надо бы отоспаться», – подумал Вэрдэ. Только какой тут сон? Весь день его потрясывало – ни то от волнения, ни то от нетерпения. Даже кусок в горло не лез. Он представлял, как подберётся к скрадку сзади... и воспользуется пальмой. Лучше дожидаться, когда Тыкульча выстрелит в зверя и станет вылезать. В этот момент он будет наиболее уязвим и бдительность от охотничьего задора потеряет.

Вэрдэ присел на каменный выступ, напился впрок, снял олучи, тщательно перемотал на ступнях хаикты из сухой травы. Ничто не должно отвлечь, ничто не должно подвести. Иначе не он убьёт Тыкульчу, а тот его.

«Без имени долго не живут, не слышишь меня, что ли...» – вспомнились слова одноглазого. Имени он лишился три дня назад... Отгнав эти мысли, Вэрдэ принялся делать на ближайшей сосне стёс. Отковырял лезвием пальмы кору и верхний слой древесины, остриём

вырезал очертания Тыкульчиного лица. Вышло не очень похоже, но дух убитого не проскочит мимо, попадётся в ловушку. Главное, самому от страха не растеряться и вернуться этим же путём.

Что ещё? Охотничий талисман-сингкэн на месте: Вэрдэ давно решил, что им станет подаренная матерью фигурка медведя. Духи... Духи не подают дурных знаков, значит, не гневаются и благосклонны к охоте. Чёрные люди ему не снились, ворон не каркал. Жертву на удачу он сделал ещё вчера – бросил в огонь хороший кусочек сала. И костёр после этого не шипел, не трещал. Встретился бы ещё в лесу главный признак удачи – белый лось с длинным хвостом!

Пока окончательно не стемнело, он широкой дугой обошёл Ягодную. Лес по другую сторону был редкий, нездоровый. Осины стояли с обломанными ветвями, со сползшей у основания корой. Берёзки – чахлые. На тех, что покрепче, – сплошные наросты. Кое-где попадались кусты черёмухи, опутанные серой паутиной. И земля была влажная, скользкая. Подойдя ближе к Ягодной, Вэрдэ лёг на живот и с пальмой в правой руке пополз – осторожно, от дерева к дереву, часто останавливаясь и прислушиваясь. Вскоре он увидел солончаковые ямы – два бледных пятна на склоне Ягодной. До них – шагов пятьдесят, а где-то на середине этого расстояния и чуть левее – скрадок Тыкульчи. Ночью холодный воздух тянется по распадку вниз, и пришедший на солонец зверь не учует засаду. Надо, чтоб и Тыкульча ничего не учуял.

Укрытие себе дядька соорудил основательное – из толстых ветвей, покрытое мхом и травой, оно втиснулось между двух елей. Наверняка внутри удобное сиденье, а то и лежанка, деревянная основа для самострела. В таком скрадке жить можно.

Дальше Вэрдэ решил передвигаться стоя. Так наделаешь меньше шума, а если Тыкульча вдруг станет выбираться – успеешь подбежать и... Перейдя несколько раз от ствола к стволу, Вэрдэ спрятался за берёзой в пяти шагах от скрадка. Он дышал через раз от волнения и глядел на треугольную дыру в полумраке. Сколько придётся караулить? Тыкульча просто так не выйдет – либо добычи дожждётся, либо утра. Наверняка и нужду справил заранее.

Лес, при дневном свете казавшийся безжизненным и пустым, с приходом темноты ожил: утробно прокричал филин, где-то далеко взревел изюбрь, что-то зашуршало, зашевелилось, упало. Вэрдэ слышал, как шепчутся духи, – кажется, они спорили: удастся ли маленькому человеку убить большого. И только из Тыкульчиного укрытия ничего не доносилось. Дядька или спал... или его там не было.

«Что, если подойти к укрытию сзади? – подумал Вэрдэ. – Наугад ткнуть пальмой в дыру. Небось спина Тыкульчи окажется на месте. Или не спина, а грудь – если дядька обернётся, услышав мои шаги. Может, окликнуть его перед ударом?»

Из-за Ягодной показалась луна. Бледная и ущербная, она высветила распадок и часть склона. Скрадок при её сиянии напомнил какую-то огромную морду, застрявшую промеж стволов. В распахнутый рот этой морды и нужно вогнать пальму.

Вэрдэ ощутил, как страшно у него напряжён живот, стиснуты зубы, а ноги вросли в землю. Сдавившие древко пальцы сами, казалось, одеревенели. «Один удар, быть может – два...» – подбодрил он себя и, прогоняя оцепенение, отлепился от берёзы.

В лесу что-то просвистело, коротко взвизгнуло. И внезапно, точно хлыстом, щёлкнули возле правого уха. Стрела с дребезжанием вонзилась в дерево, едва не оцарапав Вэрдэ висок. Снова свист – уже сверху. Вэрдэ поднял голову. Ещё одна стрела, будто посланная с неба, воткнулась в землю около его ног. Тыкульчины стрелы, с хвостовыми перьями дятла... Вэрдэ понял: вторая стрела на самом деле пущена первой. Пока она взлетала и падала, дядька успел выстрелить в дерево. Он часто такое показывал, даже умел попадать одной стрелой в другую.

Вэрдэ взглянул вперёд. Из леса стремительно надвигался силуэт человека. Вэрдэ вскинул пальму, прицелился и метнул её навстречу приближающемуся. Должно быть, Тыкульча увернулся, но показалось, что пальма пролетела сквозь него, словно он был духом. А в следующий миг Тыкульча оказался рядом, и удар кулака в скулу сшиб Вэрдэ с ног. Луна, деревья, красные

вспышки перед глазами – всё причудливо смешалось. Вэрдэ прокатился по склону, хотел было встать, но получил по рёбрам. Задыхаясь – от боли, обиды, страха? – он скорчился у основания ели. Прижался щекой к стволу, понял, что залез в потёки смолы, её запах шибал в нос.

Какое-то время стояла тишина, лишь Тыкульча тяжело дышал рядом. Когда боль немного отступила, Вэрдэ заплакал. Он ревел, проклиная свою непутевость, свою жизнь, Тыкульчу, всех и вся. Если ему, лишившемуся имени, скоро предстоит умереть, то почему не сейчас? Сколько можно терпеть всё это? Зачем и кому это нужно?

– Ты промахнулся, дулбун. У тебя, как всегда, не получилось.

Дядька присел на корточки, взял Вэрдэ за плечо и грубо перевернул лицом к себе. В руке у него был нож. Лезвие блеснуло в лунном свете перед глазами у Вэрдэ.

– Я не сделал тебе татуировку, когда ты был мал. Ну хоть отметину оставлю.

Сквозь слёзы Вэрдэ не сразу понял, что происходит. Тыкульча крепко ухватил его за подбородок, а затем... по щеке, по шее, под одежду потекла тёплая кровь. Тыкульча разрезал ему кожу на опухшей от удара скуле.

Дядька развёл костёр. Сходил в лес, принёс брошенную пальму. Затем, помогая ножом, вынул из дерева стрелу и вместе со второй убрал в колчан. Вэрдэ сидел у огня, прижимая рану на лице куском ровдуги.

– Опакастили место, – сказал Тыкульча, присаживаясь. – Зверь теперь долго не придёт. А нашим животам в последнее время скучно живётся.

– Без одного едока сытнее не стало?

Тыкульча усмехнулся, обнажив кончик жёлтого клыка.

– Злишься, что тебя Ангивче отдали? Как лучше хотели: вдруг бы шаманом стал, роду помог. А ты и на это не сгодился. Куда теперь тебя девать?

– В дупло или на лабаз.

– Не жалоби меня, дулбун. С другими суровее обходились. Стариков, если делались обузой, на морозе оставляли. Больных и увечных в яму скидывали. Детей и вовсе не лечили – если слабые, всё равно за аргишем¹⁰ не успеют, людей и оленей задержат. Главное – роду выжить, – такой закон. Когда я в детстве уснул во время привала, отец с матерью бросили меня на холоде в снегу, а сами продолжили тропу торить. Мне только трут и кресало положили. Я тогда вдвое меньше тебя был, но выжил. Сумел ночлег сделать тёплым, утром родителей догнал. А Уняни я без еды и шкур с одним только ножом пускал по следу раненого лося. И он – совсем ещё мал, ростом с грибочек! – возвращался живым и сытым. Вот так, дулбун! Страдания делают нас сильными. А ты не страдал, потому не выживешь.

Тыкульча отхлебнул что-то из чаши, осмотрелся. Подбросил в огонь толстую ветку.

– Учить тебя я не стал: зачем силы и время тратить? Сразу ясно, что странный ты. Все думали: ещё младенцем в нижний мир уйдёшь, а ты задержаться решил. Зачем, скажи мне?

Вэрдэ не ответил. Болели отшибленные рёбра. Из-под прижатой к скуле ровдуги сочилась кровь. Душу терзала обида – такая глубокая, которую, казалось, уже никогда из сердца не вытащить. Но было и нечто приятное – ощущение, что можно разговаривать с Тыкульчей на равных. Они больше не отец и сын, не дядька и племянник. Они – два врага, один из которых оказался слабее. Бросок пальмы и удар в лицо расставили всё по местам.

– Я и сам знаю, зачем ты остался, – продолжал Тыкульча. – Чтоб людей помучить.

– Я – помучить? – удивился Вэрдэ.

– Когда мать тебя из живота выдавила, то шесть дней родильный чум не покидала. Только видели люди, как ночами к ней рогатый Харги приходит. Он тебе выжить и помог. Такие, как ты, беду привлекают.

– Никому я дурного не сделал и беды не принёс, – пробурчал Вэрдэ.

¹⁰ Аргиш (эвенк.) – караван оленей при перекочёвках.

– Никому, говоришь? А как же дочка моя, Нюрилкан? Она умерла через день, как ты родился. А Пекчан? А отец твой?.. Пока ты мал был, столько людей и оленей умерло! А теперь ты своими руками убивать вздумал. В меня кто пальму метнул? Это от добра?

– Я хочу к энё, хотя бы ненадолго. Разрешите мне.

Тыкульча в раздумье посмотрел в темноту.

– А ведь я тебя и другим шаманам предлагал, – проговорил он устало. – Двоим. Оба они отказались. Сказали, что за тобой по пятам Харги ходит. Один только Ангивче недогадливым оказался, согласился тебя взять. Возвращайся к нему и живи.

– Прогнал меня Ангивче.

– А-а, сообразил, значит!

Со стороны Ягодной дунуло холодом, и огонь недовольно трепыхнулся. В глубине леса что-то с треском повалилось.

– Пусти меня к энё, – снова попросил Вэрдэ.

Тыкульча встал, расправил грудь, точно у костра ему не доставало воздуха, взглянул на небо.

– Поздно. Её ты уже отнял.

– Как? У кого отнял? – переспросил Вэрдэ, обомлев.

– Она умерла этой зимой. Долго кашляла кровью и умерла.

– Не верю. Ты врешь. Позволь хотя бы раз увидеться, и я больше не появлюсь.

– Я приходил тогда к Ангивче, чтобы тебе рассказать. Не смог. Подумал: живи своей новой жизнью, без тревог. Может, разум твой когда-нибудь кружить перестанет.

– Ничего у меня не кружит! – Вэрдэ вскочил и бросился на Тыкульчу, вцепился в его одежду. – Она ведь жива? Ты так наказываешь меня, да? Я видел её на стойбище! Видел!

Дядька не отвечал. Он стоял, позволяя виснуть на нём, дёргать за одежду, бить в грудь и даже по лицу. Когда Вэрдэ сел и заплакал, Тыкульча сказал:

– Нет ненависти к тебе, дулбун. Но и сочувствия нет. Иди своей тропой.

Слёзы попадали в разрез на скуле, разъедали рану. Немного успокоившись, Вэрдэ отыскал оброненный кусочек ровдуги, извалял в пепле и снова приложил к скуле. Что-то охладило грудь под одеждой, словно туда ледышку запихали. «Фигурка медведя, – понял он, – материн подарок...» На том сомнения угасли: энё действительно была мертва. Да и зачем Тыкульче врать? Он мог убить без лишних объяснений. Имел на это право, но не стал.

– Нужно увидеть старейшин, – проговорил Вэрдэ.

– Для чего?

– Чтоб дали мне новое имя.

– Вот что тебя волнует...

– Последнее, о чём прошу! Дадут новое имя – и ты меня никогда не увидишь.

Дядька присел и, глядя на огонь, поводил головой:

– Нет. Ты, как больной олень, который старается заразить остальных. Знаешь, что с такими делают? Закалывают, зарывают, ставят в округе запретные метки и много лет обходят стороной.

– Не получу новое имя – умру.

– Мне всё равно. Ты не мой, не наш, ничей... – Тыкульча поднялся, прихватил пальму и свой заплечный мешок. – Отправляйся жить хоть в чум к Харги, а к стойбищам нашим не приближайся и тропу с нами не дели. Охотиться на меня снова вздумашь – обещаю: в другой раз стрелу пушу точно.

Он направился в сторону скрадка, видимо, намереваясь там заночевать, а может, забрать вещи и вернуться на стойбище. Тыкульча мог и ночью по лесу ходить.

Отойдя на несколько шагов, дядька остановился. Вэрдэ услышал из темноты:

– А за именем отправляйся к оросам. Они по особым дням новые имена дают.

8

Шаманы, а точнее, говорящие через них духи, рассказывали: много лет назад, для исчисления которых не хватило бы волос на головах всех кумкагиров и шерстинок на их оленях, долина была дном большого моря. Однажды загнанный глубоко под землю змей Дябдяр задумал снова выбраться на поверхность. Он понадеялся, что через толщу воды Буга ничего не заметит. Но сил у Дябдаря хватило лишь на то, чтобы поднять морское дно. Вырваться наружу он не смог. С тех пор дно взбухло как живот матки, на нём выступили шесть гор-сосцов. А воды разошлись к востоку и западу, образовав два отдельных моря.

На западном море Вэрдэ никогда не бывал, в тех землях обитали враждебные конные кочевники. А восточное видел много раз – оно настолько большое, что невозможно и представить, каким же огромным было море единое, изначальное.

Он шёл по долине на запад, к крепости оросов, расположенной на половине пути к западному морю. В который раз, глядя под ноги, Вэрдэ недоумевал: куда подевался морской ил, почему не встречаются останки плавающих в море рыб и зверей, где раковины, обломки лодок, почему камни в долине не круглые и гладкие, как на море, а неровные, угловатые? Неужели шаманы всё выдумали? Может, они и не знают ничего. Или духи им врут.

Вэрдэ уже миновал излучину Несущей воронки реки и двигался по широкой торговой тропе, к которой привели замеченные у ручья следы. Если оросы прискакали из крепости, то идти до них долго. Хватит ли сил? Он уже не вёл счёт дням, не думал о том, сколько ему отведено жить без имени.

Из съестного осталось лишь два мешочка – один с костяной мукой, другой – с иссушенным костным мозгом. Дважды удалось поймать рыбу. Когда находил ягоду, останавливался и ел – много, до оскомины, до тошноты. Но с собой теперь ничего не брал – подумал: «Делать новые запасы – значит, рассчитывать на будущее, а этим смешат или гневят духов, которые нарочно всё изменят». Не зря перед охотой избегают слов «добыча» и «удача». На будущее Вэрдэ уже не рассчитывал, просто шёл. Раз его, словно вещь, перебрасывают из рук в руки, то и сейчас его судьба наверняка кому-то вверена. Пускай этот кто-то всё и решает.

После брода через неизвестный приток Вэрдэ заметил следы, ведущие на север. Люди, лошади... – наверняка оросы. Зачем они свернули с торгового пути к горам? Он пошёл вверх по речке. Следы были примерно трёхдневной давности, некоторые старше. Вскоре они разделились, спутались, часть их потерялись в зарослях, другие, перебравшись через приток, устремились назад. Кто-то блуждал тут, и не один день. Не охотники – что-то искали... Поднимаясь по следам вдоль берега, он вышел на поляну у подножья горы. Оросов здесь не оказалось, но всё было сильно истоптано. Место странное, жутковатое – кто будет останавливаться на таком?

Поляну окружали старые пни – по большей части корни да окаменевшие зазубрины. Вместо почвы – смесь золы, измельчённой коры, щепы. Пятнами темнело что-то непонятное. В основании горы зияла дыра – именно дыра, не пещера. Высотой чуть выше человеческого роста, понизу заросшая травой, она обнажала каменное нутро горы и уходила далеко вглубь. Вэрдэ приблизился. Ему показалось, что лаз в гору проделан много лет назад. Но трава прироста недавна. Кто-то приходил сюда и забирался внутрь. Это были люди, не звери.

Посреди поляны высился какой-то бугор, похожий на огромный поросший травой муравейник. Его вершина доставала Вэрдэ до груди. В центре – впадина, забитая землёй, хвоей, прелыми листьями. Вэрдэ подобрал веточку, поковырялся во впадине – кажется, она уходила к самому основанию бугра, стенки её были твёрдыми и чёрными. Ещё от непонятного «муравейника» тянулся желоб из плоских камней – зелёных и замшелых, как со дна озера.

На берегу Вэрдэ обнаружил второй бугор. Часть его была разрушена – судя по всему, русло за годы переместилось, и вода подмыла основание. Грудой лежали рассыпавшиеся плос-

кие камни, из которых, как оказалось, бугор целиком сложен. Сердцевина из обожжённой глины потрескалась и частично распалась, на осколках блестели чёрные смолистые подтёки и брызги с реки. Кто и для чего это соорудил?

Неожиданно Вэрдэ осознал: позади него кто-то есть. Зверь? Дух, выбравшийся из горы? Нет, это был человек. И человек подгадал лучший момент, чтоб подкрасться – когда Вэрдэ отвлечён, а рядом шумит река. Обернувшись, он увидел перед собой девочку – высокую, стройную, на несколько лет старше его. Девчонка уже замахивалась палкой. Вэрдэ не успел отступить – его ударили по голове.

В себя он приходил, словно впервые рождался на свет, – ничего не соображая, корчась от боли и страха. Что-то удерживало руки и плечи, придавливало к земле. Первое, что он увидел, – светлый круг над головой, уходящие ввысь жерди. Вэрдэ находился в чуме. Стоял такой смрад, будто внутри собаки справляли нужду.

Неожиданно его отпустили и тут же плеснули водой в лицо. Вэрдэ утёрся онемевшей рукой и огляделся. Девчонка, ударившая его, сидела рядом, скрестив ноги. Из-под бахромы ханни выглядывали грязные коленки. А поверх нагрудника висела фигурка медведя – ему, Вэрдэ, принадлежащая. Девчонка почему-то морщила лоб и улыбалась.

– А я тебе рану на лице зашила, – сказала она. – Хотела сделать, пока ты не очнулся, а ты заворочался, пришлось держать.

«Какая забота!» – подумал Вэрдэ, приподнимаясь. Очаг в чуме не горел, вещей не было, за исключением разбросанных посуды. Ещё в малу темнела куча из тряпья. Похоже, от неё и разило...

– Где я? Почему ты меня...

Неожиданно девчонка влепила ему пощёчину. Опять наморщила лоб, заулыбалась.

– Я старше тебя и первой буду задавать вопросы. Как зовут тебя, малыш?

– Я не малыш.

– Хочешь, чтоб тебя снова ударили?

– Вэрдэ – так меня зовут.

Девчонка сочувственно поджала губу, покачала головой.

– Дрянное имя. Как ты с таким жить собираешься?

Вэрдэ промолчал. Он потрогал ушибленную голову. Слева над лбом выпирала огромная шишка.

– Я буду звать тебя «малыш», – сказала девчонка. – А меня называй Стрелкой, все ко мне так обращаются. Ну что, дружим?

Она склонилась и коснулась носа Вэрдэ кончиком своего носа. От неё пахло, как от нагретых солнцем камней.

– У тебя мой талисман-сингкэн, – хмуро заметил Вэрдэ. – Нельзя забирать чужие, они принесут беду.

– А я и не забирала, взяла на время. Так ты можешь видеть его, а спрятанным под одеждой ему грустно. К тому же ты будешь смотреть и на меня. Разве это не хорошо?

Стрелка поднялась и, пританцовывая, прошла по чуму. «Вот у кого разум кружит!» – подумал Вэрдэ. Но смотреть на девочку действительно было приятно и немного волнительно. Да, что-то в ней напоминало стрелу: стройное тело, длинная шея, подбородок – острый и приподнятый... А главное, какая-то неудержимость обнаруживалась во всех её движениях.

– Теперь рассказывай, что делал у горы? – велела Стрелка. – Тебя туда отправили?

– Нет, я шёл к крепости оросов и увидел следы.

– К крепости? Для чего тебе туда?

– Мне всё равно куда. Я один, у меня даже родителей нет.

Вдруг смрадная куча в малу зашевелилась и стала приподниматься. Вэрдэ в ужасе отполз на зад. Под ворохом тряпок и шкур оказался старик с грязным лицом и красными, как брови

глухаря, глазами. Борода и волосы у него были измазаны какой-то дрянью – не то запёкшейся кровью, не то рвотой.

– Эй, Стрелка, воды не осталось? – прохрипел старик. – Всю воду, дура, перевела... Принеси мне попить!

Девчонка покорно вышла из чума. Красноглазый уселся на своё тряпье и осмотрел Вэрдэ. Почесав шею, он сказал:

– Хорошая палка, с одной стороны шумит, с другой – воняет. Ну, отгадывай!

– Ружьё, – пробормотал Вэрдэ. Он знал, что это ружьё.

– Осилит! Отгадывай дальше: пень гниёт, лисица из дыры показывается – мех зелёный.

Ну, что молчишь? Не знаешь? Это сопля!

Красноглазый сипло хохотнул, потом раскашлялся и отхаркнул комок мокроты, который повис у него под нижней губой.

– Слушай ещё. Расщелина в скале, человек вылезает, падает, спину ломает. Ну, отгадывай!

Вэрдэ пожал плечами.

– Дерьмо! – рассмеялся старик. – Это же дерьмо! Как не догадался-то?

Пока он хохотал, мокрота под его ртом тряслась, будто живая. Снова отодвинулся полог, и в чум вернулась Стрелка. Протянув старику чашку, она сообщила:

– Я Афанасию сказала, что ты очнулся.

Старик жадно выпил всё, что было в чашке, и спросил:

– А он?

– Говорит: не нужен Бусурман, разве что по шее ему врезать. – Девчонка повернулась к Вэрдэ. – А тебя видеть хочет. Пойдём, малыш!

Следом за Стрелкой Вэрдэ выбрался из чума. Он находился в стойбище оросов. На поляне стояли шалаши, землянка с кровлей из тонких брёвен, корья и лапника. Дымили костры. Привязанные к деревьям лошади качали головами. Оросы – их было около десяти – недавно отужинали и сейчас кто починял седло, кто нож точил, кто чистил ружьё. Двое сидели у догорающего костра, дымили трубками. К ним девчонка и подвела Вэрдэ. Оросы с хмурым видом оглядели его. Один из них казался главным, у него были усы и многодневная щетина. Второй – с бегающим взглядом, рыжей бородой и странно напряжёнными губами, словно готовился плюнуть.

– Ну и харя у него! – по-оросски сказал тот, что казался главным. – Ты его отделала?

– Я только сверху ударила, – так же на оросском ответила Стрелка. – Лицо до меня повредили.

– Спасибо, что привела. Сам бы зашел, да в вонь вашу окунаться неохота. – Главный орос, упёршись ладонями в колени, поднялся. Склонился к Вэрдэ: – Понимаешь меня, тынгуз? Нет, не понимаешь!.. Куда там... Алтан, мэнун, хулама мэнун, золото-серебро видел?

Вэрдэ, догадавшись, о чём его спрашивают, поводит головой.

– Реки, горы, пещеры с такими названиями есть у вас? Стрелка, переведи-ка, ты у нас нынче за толмача.

Стрелка пересказала Вэрдэ, что от него хотят. Он снова повёл голову.

– Хорошо. – Орос пришиб ладошкой комара у себя на виске и распрямился. – Накорми его, Стрелка, а то смотреть страшно. Пусть в лагере остаётся, поговорим позже. Да смотри, чтобы не убёг!

Они присели на поваленный ствол в стороне от костра. Стрелка накормила Вэрдэ остывшей рыбной похлёбкой и сухарями. От напитков оросов он отказался, выпил обычной воды. Оросы вливают в себя такое, с чем внутрь забирается целое стадо злых духов – потом никакими камланиями не изгонишь.

– Так для чего ты шёл в крепость? – спросила Стрелка.

– Хочу получить новое имя. Говорят, оросы могут его дать.

– Новое имя? Оросы могут, но не каждый. Нужны особенные, вроде шаманов. Сначала они потребуют от тебя кое-что.

– Что?

– Чтобы ты водой облился и человек-крест на шею повесил. Только после этого дают имя. С Бусурманом такое сделали, я знаю. Только того имени уже никто не помнит, даже он сам. Имя оказалось слабым, и все зовут его Бусурманом.

– Кто он?

– Бусурман – мой дед. Раньше жили по другую сторону Моря, а теперь водим оросов по этим землям. Бусурман много земель знает, но он превратился в безумца. – Стрелка горделиво приподняла подбородок. – Когда его не станет, я буду водить оросов вместо него. Хочешь помогать мне?

– Мне дадут новое имя?

– Оросы ничего не дают просто так. И я тоже. Чем ты можешь отплатить?

– Ничем.

Стрелка изучающе оглядела Вэрдэ, наморщила лоб.

– Был бы ты на несколько лет старше, я бы знала, как тебя использовать. А так... Будешь мне помогать, и однажды я отведу тебя к нужным оросам.

9

Афанасий Жгibesов – когда-то шестой поповский сын и пономарь, а ныне неизвестно кто – и сам недоумевал: как он оказался в такой дыре? Не иначе чёрт завёл. Но одно дело – оказаться, а другое – выбраться. В этом чёрт уже не помощник, он только в одну сторону направляет – ближе к пеклу.

Каких-то семь лет назад Жгibesов попивал пиво и тискал бабёнок, живя в каморе близ тюменской церкви Ильи Пророка, под боком у папаша. Случалось, воровал мелкое добро или монеты, когда ризничий по прозвищу С-копейкой-два-гроша ленился относить пожертвования куда следует. Лето по большей части проводил на рыбных ловлях в вотчинах Свято-Троицкого монастыря. Там пьянствовал ещё ярче, дрался, проказничал. Однажды съездил схимника Игнатия судаком по лицу – на рыбацкую удачу. Другой раз скинул в воду жену дьякона Бориса (точнее, она сама туда спрыгнула, чтоб избежать стыдобы). Терпение отца, знавшего про всё это, иссякало, и однажды Афанасий, мало что соображая с похмелья, очнулся на подвозе по пути в Тобольск – его отправили вместе с казаками «держать государевы границы».

Спустя год он уже находился в такой дали от дома, что и на карте не отыщешь, а отыщешь – показать будет страшно. Приграничный острог на реке Аргунь: десять сажень в длину, восемь – в ширину. За стоячими стенами: две избы, конюшня и склад, восьмипудовая пушка, две пищали. Населяли острог помимо Жгibesова девять служилых и дюжина промышленных людей. Они стерегли границу, объясачивали тынгузов намясинского рода. Десятник Иван Неупокоев строго блюл веление нерчинского воеводы: «чтоб всякого дурного избегали, не воровали, костью и картами не играли, вина (в том числе и кумызного) не пили, не чинили иноземцам никакого задору и баб ихних не трогали», – подумать, так и заняться нечем. Из развлечений – только знаменем полюбоваться.

Скучная жизнь прекратилась после того, как к нерчинскому приказчику Шульгину явились охотники-тынгузы – два брата, Аранжа и Мани. Они показали самородки:

– Гляди, уважаемый русский начальник! Слышали, ищешь такие камни. Тяжёлые и на солнце блестят!

Ошалевший приказчик определил: серебро.

– Где? – спросил он тынгузов.

Аборигены ответили:

– Култук та гора называется.

О находке Шульгин сообщил в Тобольск, и вскоре на поиски ценных руд отправили Филиппа Свешникова с казаками. Трое служилых из гарнизона Аргунского острога – в их числе и Афанасий Жгibesов – присоединились к тому отряду.

Им несказанно повезло: месторождения золота, серебра и олова нашлись одним разом – там, где сходились устья трёх рек – Алтачи, Мунгачи и Тузячи. И только после выяснилось: с иноземного названия рек так и переводятся – Золотая, Серебряная, Оловянная... Кроме того, в округе отыскивали древние рудники и плавильни – всего около двадцати. Что за люди и когда их сделали? Какую руду добывали? На это не смогли ответить даже тынгузы.

Забайкальский край наполнился приезжими рудознатцами. Рядом со старинными горнами и «чудскими копиями» сооружались новые плавильни. Готовилось появление большого и мощного Аргунского завода. Так как на юге граница смежалась с Цинскими владениями, поиски руд продолжились на востоке, севере и западе. Жгibesов – к тому времени уже будучи десятником – отправился к Прибайкальским горам с отрядом Ильи Милованова. Они искали руду, древние выработки, изучали местные названия рек и гор. Но ничего ценного не находили.

Один из встреченных тынгузов – впоследствии ставший их единственным проводником – сказал, что видел «рытую в каменной горе дыру» и «рукотворные бугры», но это далеко

– Байкал огибать придётся и идти вверх по Иркуту. Неугомонный Илья Милованов погнал отряд туда. Его не останавливало то, что прежние проводники отказались идти, и то, что трое рабочих сбежали, и даже то, что сам он сильно занемог в дороге.

– Не жилец твой начальник! – шептал Жгибесову проводник Бусурман. – Знаю наверняка: не выживет!

Бусурман, этот полубезумец и круглый пьяница, полагал, что Милованов сделался жертвой тынгузского дьявола. Он, Бусурман, видел разные облики этого дьявола, знал многие его уловки. С виду тынгузский дьявол как человек, только в несколько раз выше. Вместо правого кулака у него бальбука – голова с оскаленными зубами. На левой руке – огромный коготь. Вместо ног – култышки, одна до колена, другая – чуть ниже. Потому и ходит кособочась. Голова совершенно лысая, а туловище поросло шерстью. Когда-то дьявол безнаказанно шастал по земле, а сейчас прячется. Чаще всего под землю – так, что торчат лишь его уродские руки. Если проходящий человек увидит страшную бальбуку и отшатнётся, дьявол хватит его когтем левой руки – либо выпьет кровь, либо отравит. Это, по уверениям Бусурмана, и случилось с командиром. Милованов отравлен, теперь будет долго болеть и помрёт. Далеко не всякий шаман способен его от этой напасти избавить.

Когда они добрались до Култушного зимовья, отряд сократился до семерых, не считая проводника с внучкой. Четверо сбежали или сгнули в предгорных лесах. Дабы восполнить нехватку, наняли двух гулящих людей. Затем к ним присоединился Стёпка Вавило – с его собственных слов, «бывший горнорабочий», а по виду – тать и убивец. Некогда хорошо организованный и снаряжённый отряд превращался в не пойми что. Сначала пропили плотницкие инструменты – тесла, буравы, скобели и долота – выданные для строительства зимовья на месте обнаружения руды. Оставили лишь пилы и топоры. После Жгибесов продал часть пороха и свинец. Ещё двое казаков, смекнув, что дело неладное, тайком уплыли на рыбацкой пятигребке. Их место в отряде заняли околачивающиеся около зимовья удалыцы – Васька Кривой-колпак и Васька Помойная-каша.

Командира непрестанно лихорадило. Он редко приходил в себя и плохо соображал. В сторону Иркута он ехал уже на подвозе со скарбом, а далее и вовсе перекинутым через седло. Жгибесов считал дни: когда же Милованов сдохнет? Имелся у Жгибесова особый резон беспокоиться. В Култушном зимовье он помимо прочего продал два маленьких самородка – золотой и серебряный – взятые, чтоб показывать аборигенам. Этого командир не простит.

– Не лучше ли нам воротиться? – говорил ему старый казак по прозвищу Щепетильник. – Бредит, наверное, этот Бусурман проклятый. Башка у него давно изнутри забродила. Водит нас, лишь бы глотку заливать. Нет там никакого рудника, помяни моё слово. Командира напрасно загубим.

– Раньше нужно было причитать! – отвечал Жгибесов. – Теперь уж близко, доберёмся – проверим.

Жгибесов понимал: возвращаться с пустыми руками нельзя – заперют. Теперь если и есть выход, то только через рудник Бусурмана. Найдётся в нём ценная руда – можно и воротиться, а нет – лучше самому в гулящие...

Тункинская долина мешала продвигаться, напускала туман, расплняла реки. С гор ватагами налетали тучи. Хлестали дожди, бил град. «Спротивляется, стерва! – со злобой и озорством мыслил Жгибесов. – Бойтся, что выпотрошим мы её. Никуда не денется – выпотрошим! Дёснами чую, что выпотрошим!»

Но его ожидания не сбылись. В руднике, куда привёл-таки их Бусурман, не оказалось следов серебра. А золота и подавно. «Древние тут добывали железо, – установил Стёпка Вавило. – Но и то гнездо навсегда исчерпано». Найденные в заброшенных плавильнях остатки спёкшейся руды и шлаки подтвердили его выводы. Кто бы ни плавил здесь металл в стародавние времена, эти люди вынули из горы всё, что можно, переработали и утащили с собой.

И вот уже шесть дней отряд, соорудив стоянку, ждал неизвестно чего. Жгибесов осматривал окрестности, отправлял Стёпку Вавило в разведку. А вечерами все пьянствовали. Жгибесов пьянствовать не запрещал, потому как самому хотелось.

* * *

– Афанасий, кажись, командир тебя зовёт! – будил его Щепетильник, пиная в подошву сапога. Жгибесов продрал глаза, отогнал хмельной дурман и выбрался из шалаша. Стояло туманное утро. Дым от костра, который разводили казаки, стелился по поляне.

– Вода в кадке осталась? – спросил он Щепетильника.

Старый казак кивнул:

– Вчера набирали.

Жгибесов дошёл до кадки. Вокруг лежала мокрая и жирная стружка, которой мыли котлы, по ней ползали муравьи. Валялась чья-то кружка. Он сполоснул лицо, попил из ладошек. Затем подобрал кружку, зачерпнул воды и пошёл в землянку.

Внутри пахло прелым лапником, потом и мочой. Илья Милованов с лицом земляного цвета ворочался и стонал на лежаке. Покрывала были откинута.

– Звал меня, Милован? – Жгибесов присел на взлохмаченный топором чурбак, протянул хворому кружку. Тот попил – долго и неумело, затем уронил кружку, разлив остатки воды себе на плечо.

– Где мы сейчас, Жгибесов? Что с нами стало?

– Лагерем стоим недалеко от старых рудников. Землянку тут нашли, подлатали.

– А-а! Добрались, значит...

– Добрались, добрались. Не помнишь разве? Три дня назад, когда из бреда выныривал, об том же спрашивал.

Милованов чуть округлил глаза.

– Спрашивал? Не помню, ёлкин корень!.. Ну так что, отыскалось серебро-золото?

– Пусто там. И везде пусто.

– Пусто... Так я и думал. Не было доверия к пьянице твоему!

– Почему «моему»? – удивился Жгибесов. – Ты Бусурмана нанял, не я.

– Брешешь всё. – Милованов, видимо, хотел махнуть рукой, но сил ему хватило только приподнять ладонь. – А чего тогда делаете? Почему до острога не добрались?

Жгибесов нахмурился.

– Долгий путь до острога. Не вынесешь.

– Здесь я скорее схохну... Покурить мне дай хотя бы.

– Закончился табак.

Милованов снова заворочался, будто чесал спину о лежанку. Застонал от терзающей его боли. Затем вдруг пристально посмотрел на Жгибесова.

– Скажи-ка, Афанасий, почему ко мне никто не заходит? Считают, будто заразен я?

Жгибесов поводит головой.

– Считают, что ты проклят, Милован. И я так считаю.

– Проклят!.. – Милованов растянул рот в жуткой улыбке. – Это твоя мерзкая душа проклята, Жгибесов! – Он нарочно оговорился: «Жгибесов». – Знаю всё про тебя. В бреде черти показывали-рассказывали... Знаю, как татарскую девку насильничал. Знаю, как церковное воровал. Длинный списочек, ёлкин корень!

Жгибесов ощутил, как страх щупает сердце. Откуда Милованов узнал про татарскую девку? Никто ему не мог поведать. А про церковное добро?

– Бредишь ты, командир. Может, винца тебе взамен табака принести? Винца вдоволь.

– Ну вас, пьяниц!.. – Милованов с трудом приподнялся, тупо уставился на печку-чувал в углу, похожую на заполненную углями пасть. – Вот что, Афанасий... Я тут... В общем, пока вы по земле бродили, я в тартарары сбегал.

– Куда?

– Там меня черти... как же сказать... исповедали, только наоборот. Понимаешь? Трудно, в общем, объяснить.

Надо было б перекреститься. Но пальцы у Жгибесова сами собой сложились в обороняющий от нечисти кукиш. Во рту сделалось жутко сухо. Он взглянул на кружку, лежащую на земляном полу. Чья она? Почему беспрестанно валяется, брошенная?

– Потом причастили – тоже наоборот, – продолжал Милованов. – В общем, дел на том свете больше, чем на этом. Понимаешь, Афанасий?

Жгибесов поднялся с чурбака, намереваясь уходить.

– Куда же ты собрался, Афанасий? Гузно свербит? Порты обмочил? Ты погоди, дальше ещё страшнее будет, особенно если я на ноги встану. Про самородочки тебе напомню. И про другую девку – Ульянку. Как всё обошлось с ней после, интересно? Конечно, интересно! Понесла от тебя Ульянка. Родители её замордовали, и она в петлю полезла.

Жгибесов уставился на командира. Впервые он ощущал на душе такую смесь – ужас и злобу одновременно. Имени той девки он, конечно, не помнил – Ульянка она была или не Ульянка – но перед глазами явственно встал её образ, а внутри зародилась уверенность: Милованов говорит именно о ней. О ней! Как такое возможно? Всё кажется ему? Или снится? Жгибесов будто бы не до конца пробудился от детского кошмара. И в горле толкалось сердце перепуганного ребёнка.

– С брюхом она висела, едва не родила по пути на тот свет, – ухмыляясь говорил Милованов. – А на том свете, душу неродившегося ребёночка в ад за собой...

Жгибесов схватил покрывало, скомкал и прижал к лицу командира. Навалился. Он готовился подавить последние сопротивления, но Милованов лишь часто и несильно затрясся. Жгибесов понял: Милованов, задыхаясь и умирая, хохочет – сдавленно, беззвучно хохочет... Через минуту-другую, когда всё прекратилось, Жгибесов накрыл покойника с головой этим же покрывалом и устало выбрался из землянки.

Казачи кашеварили у костра. Рыжий Стёпка Вавило сидел на камне в сторонке, возился с мешковиной. Жгибесов дошёл до него, бухнулся на землю. Руки у него тряслись, щёки тряслись, будто он ехал на телеге по дрянной дороге.

– Раскис, Афанасий! – с шутовой укоризной заметил Вавило. – Выпил меньше всех, лёг раньше всех, с утра – самый хворый!

Жгибесов потёр ладонями лицо. От пальцев всё ещё пахло покрывалом и смрадным духом Милованова.

– Ваши пьют, а у наших голова болит, – сказал он. – Что это ты шьёшь? Мешок какой-то огромный...

– Под золото-серебро! Что б было куда складывать.

– Да ну тебя! – зло отмахнулся Жгибесов. – Тынгузы не сбежали ещё?

– Куда им без чума бежать. – Вавило повертел мешок. Растянув руки, отмерил сажень. – Бусурман то, пьяница – какой хитрец! Вчера у всех хлопцев по одному пустые трубки выпрашивал – дескать, по подобию хочет себе сделать. Ему одалживали, табака всё равно нема. Ну и я одолжил.

– И что? На кой ему?

– Бусурман из каждой трубки нагар соскоблил, с крошеной корой смешал и курит. Я увидел, отобрал у него, чтоб попробовать. Дрянь, конечно, но душу греет. Голод табачный утоляет! – Вавило с усмешкой толкнул Жгибесова в плечо. – Твою-то ещё не скоблили. Одолжишь?

– Ну тебя! – опять ответил Жгибесов. – Напомни мне лучше, Вавило: что ты там про артель на Лене трепался?

– А ты что же, со службы тикаешь?

– Служба сама разваливается, – пробормотал Жгибесов и, поднявшись, громко объявил: – Хлопцы! Командир наш богу душу отдал. Налейте вина, помянем Илью Милованова. – Сам себе он тихо добавил: – Впрочем, богу ли?

10

Вэрдэ снился кошмар. Во сне он поздно вечером возвращался домой, но чум был чужой, весь издырявленный. Сквозь отверстия лучился свет горящего внутри очага. Вэрдэ уже соби-рался входить, как услышал странное.

– Куварк! – произнёс скрипучий женский голос, затем – выкрик разочарования или досады.

Он раздумал входить и подсмотрел через дырку, что происходит внутри. Лохматая жен-щина, одетая в рваньё, сидела около очага. Она подбрасывала человеческую челюсть, каждый раз восклицая: «Куварк!» Когда челюсть падала зубами книзу, женщина ругалась и сердилась, а когда зубами кверху – радовалась.

Тогда Вэрдэ догадался: во сне он был Мангы Деромго, а в чуме сидела его сестра, став-шая человекоедкой. Она уже сожрала родителей и теперь гадала на подбрасываемой челюсти: вернётся ли он с охоты? Оказывается, он не убил её тогда, свернув шею. И сейчас придётся убивать снова...

Проснулся Вэрдэ не с ужасом, а с чувством омерзения. Пылали угли в очаге. Стрелка готовила на сковороде оладьи. Бусурман, как обычно, лежал в малу, похожий на кучу тряпья.

– Оросы опять дурную воду пьют, – сказала Стрела. – И Бусурман, конечно, выпил.

Глядя на готовящуюся еду, Вэрдэ вспомнил мать. Энё жарила оладьи вечером, а позднее, перед сном, пела ему: «Засыпай, лети туда, где закат целуется с восходом, в середину полноч-ной земли, где выводятся души новых оленят». Он вспомнил какую-то дождливую ночь, про-хладу в чуме, теплоту и тяжесть шкур. Всё было бесконечно далёким, невозвратимым.

Ещё несколько дней назад Вэрдэ заметил, что при мыслях о матери, о её смерти, в сердце у него рождается потаённая радость. Да, горе, и печаль... но вместе с ними и радость. Отчего? – он понял только сейчас. Энё умерла, потому и не забрала его. Просто не смогла, не успела. Будь он сейчас жива – значит, бросила его. Лучше уж как есть.

Когда они ели оладьи, запивая мясным бульоном, Вэрдэ спросил Стрелку:

– Почему ты живёшь с дедом, а не с родителями?

Она смешно наморщила нос, улыбнулась.

– Прошлым летом меня спиной вперёд на оленя посадили. Знаешь, что это означает?

Вэрдэ кивнул. Так жених сажает на оленя девушку прежде, чем увести из стойбища. Спи-ной вперёд, лицом назад – чтобы не забыла свой чум и родных.

– Потом выяснилось, что я не была невинной, – продолжала Стрелка. – Выходит, его род не должен был дарить подарки моему роду. А подарками мы обменялись равноценно. Он разозлился и прогнал меня. Возвращаться в чум к родителям я постыдилась и пошла к пья-нице-деду.

Вэрдэ удивился: насколько кратко и просто она изложила эту историю – для неё самой наверняка страшную и мучительную. Ещё он подумал, что на месте жениха простил бы Стрелке обман про невинность. Всё бы ей простил.

– А вообще, я проглатывала медвежий глаз, не коснувшись зубами – поэтому когда-нибудь буду счастлива, – добавила Стрелка. – Так я сама решила. Наверное, это глупо. Если хочешь, можешь смеяться.

«Счастье – слово, придуманное взрослыми, – подумал Вэрдэ. – Что-то вроде приманки. Все говорят, что оно будет, а оно всегда остаётся в прошлом».

– Я ловил лягушонка и держал в кулаке на удачу, – признался он. – Тоже глупо.

– Это помогало?

– Поначалу – да.

Взглянув друг на друга, они посмеялись.

Снаружи послышалась возня. Откинув полог, внутрь заглянул один из оросов.

– Сидят, как мыши в норе, – проворчал он. – Выходи, тынгузское племя! Уважение проявить нужно.

– Нам надо идти. – Стрелка потянула Вэрдэ за рукав.

Когда они вышли, орос оглядел их.

– А старший? Рожу спрятал под рогожу? Ну ладно, давайте за мной!

День уже клонился к вечеру. Остальных оросов на стойбище видно не было. Ушли они куда-то или спали – Вэрдэ не знал. Орос кивнул: следуйте за мною. И повёл через заросли к речке. Недалеко от берега на пригорке полукругом стояли оросы. Перед ними высился деревянный крест, основанием зарытый в землю, укреплённый нагромождением камней.

Когда Вэрдэ поднялся на пригорок, один из оросов протянул ему деревянную кружку:

– Пей, малец! За упокой души.

Вэрдэ сообразил: дурная вода. Он взглянул на Стрелку, и та едва заметно повела головой.

– Ну, как знаешь... – сказал орос и выпил сам.

Мужчины стояли с усталым видом и глядели на крест. Вэрдэ знал, что это могила. Так оросы прячут своих покойников. А этот крест... Вспомнилось, что говорила Стрелка: прежде чем дать новое имя, оросы наденут на шею человек-крест и обольют водой. Про крест понятно – это знак Буги, его носить не страшно. А вода зачем? Может, испытание – не побоится ли он холода? Вэрдэ решил, что позже выспросит у Стрелки подробности.

– Вот что, братьцы, – заговорил главный орос с усами, – теперь, когда командира не стало, давайте покумекаем. Как считаешь, Щепетильник, стоит ли нам обратно в Нерчинск?

Старый орос, к которому обратились, проговорил:

– Далеко от Нерчинска забрались. – Он кивнул на могилу. – По его воле, не по своей.

– В Нерчинске с нас шкуру спустят, – хмуро отозвался другой.

– Если всё истолкуем верно – не спустят, – возразил главный. – Ну даже и так – твоей спине, Бажен, не привыкать. Об неё, поди, не одну плеть измочалили.

– Чего сразу моя спина? С десятника спрос.

– А-а! Ну, раз спрос с меня, тогда я и решать буду – за служилых, конечно, не за остальных. Остальным – вольная воля. Правильно, Вавило?

Рыжий орос, который вечно готовился плюнуть, ответил:

– Куда спешить, если вина и провизии вдосталь? Да и вообще... чего это мы над могилой решаем? Утро вечера мудренее.

– И то верно. Пойдёмте, хлопцы!

Главный орос посмотрел на крест. Быстро тронул пальцами голову, грудь и плечи. Подмигнул Стрелке и пошёл от пригорка к стоянке.

На следующий день четверо оросов оправилась на охоту. Охота удалась – вечером они приволокли застреленного лося. И ещё один трофей – росомаху с израненной лапой. Зверь был некрупный, почти детёныш.

– Вот, оказывается, кто наши капканы обкрадывал! – пояснил тот, кого называли Васька Кривой-колпак.

– А ты её перевоспитать удумал? – смеялись в ответ.

Пока оросы свеживали лося, Васька Кривой-колпак соорудил росомахе ошейник и посадил на цепь у дерева. Это ему далось с трудом: даже истощённая и раненая росомаха изодрала ему одежду и левую руку, а вдобавок ко всему метнула в грудь вонючей струёй. Васька Кривой-колпак, ругаясь и проклиная росомаху, стянул с себя суконный кафтан и под общий смех понёс полоскать на реку.

А дальше начался праздник, чем-то похожий на «проводы медведя» у кумкагиров. Оросы горланили песни, плясали, изображая неведомых зверей и птиц. Прыгали и бодались лосинной

головую. Забавлялись в игры, неизменно заканчивающиеся борьбой. Рассказывали друг другу истории, перебрасывались шутками, смеялись.

Сидя в стороне, Вэрдэ думал: «Наверное, когда-то оросы были обычными людьми, но дурная вода их испортила, сделала странными. Теперь они строят большие деревянные жилища, а кочевать отправляются без них; хаикты делают не из травы, а из ценной материи; мехами зачем-то впрок запасаются».

Стрелка привела едва стоящего на ногах Бусурмана, усадила рядом. Затем вручила каждому по куску горячего мяса и опять ушла к оросам.

– Отгадывай! – пробормотал Бусурман. – Живёт невидимкой, сил нет, рук нет, голоса нет, а любого силача с ног валит.

– Сон, – ответил Вэрдэ.

Недолго помолчав, старик сказал:

– Не осилил! Это сон.

Вэрдэ достал нож и принялся есть, впиваясь зубами в мясо, отрезая от него кусочки. Совсем свежая, невыдержанная лосятина ещё была жёсткой и безвкусной, зато оросы обсыпали её солью. Бусурман сидел и глядел на свой кусок в огрубелых ладонях. Казалось, он забыл, как есть и для чего это нужно.

– Слышал, что она тебе рассказывает, – снова заговорил он. – Враньё всё это, малыш. Не путайся с ней и вообще беги отсюда, пока не поздно. Жениха своего она убила. Вот правда! Знаешь, почему убила?

Вэрдэ не хотел слушать, но Бусурман продолжал говорить – хрипло, едва открывая рот.

– Потому что в ней сидит дитя Харги. Когда ему нужно, он помыкает ею, как оленем. Я всё про Харги знаю. Ещё ребёнком видел его во снах, а затем наяву. Часто подсматривал за ним в щели. Меня научили этому – делать такую щель, через которую на несколько мгновений виден Харги. Это сложно, долго... но заманчиво. Я увлёкся этими щелями, охотиться перестал. Теперь вот думаю: может, это Харги со мной делает? Может быть, он мной помыкает, как ею? Уже не разберёшь. Щели проклятые, жизнь мне испортили, свели меня с ума.

Старик раздвинул ладони, и кусок лосятины упал на землю к его голым стопам.

– Вот что я скажу тебе, малыш. Харги бывает одноногим, я это дважды видел. Единственная нога – прямая, как жердь, – она по центру туловища. Ею он ловит девушек, насилует. От этого рождаются детки-уроды. Или такие детки, которые вскоре умирают. Он со Стрелкой это сделал.

Внезапно Бусурман подался вперёд и встал на четвереньки. Одежда на его спине почему-то оказалась разрезанной и едва не спадала. Худой выпирающий шишками хребет блестел при свете костра. Опираясь на ладони и колени, старик двинулся к бочонку, из которого оросы брали дурную воду. Там Бусурмана встретили хохотом и вручили наполненную кружку.

Наползала ночь. Некоторые оросы улеглись спать. Оставшиеся разговаривали и смеялись всё громче. Они непочтительно обращались с костром: подпинавали сапогами головёшки, бросали в огонь объедки. Костёр злился, трещал, и в небо огненными пчёлами взмывали искры.

Вэрдэ поймал себя на том, что давно следит не за оросами, а за Стрелкой, которая пополняет им кружки, разносит мясо, смеётся вместе со всеми, понимая шутки или делая вид, что понимает. Вот она прихватила пустой котёл, отдалилась от костра и нырнула в темноту.

Неприятное чувство сдавило грудь. Куда и зачем она пошла? Мыть котелок едва ли не ночью? К тому же река в другой стороне. Выждав немного, Вэрдэ поднялся и направился к чуму, но внутрь заходить не стал – обошёл его и через заросли побрёл вслед за Стрелкой.

Небо ещё хранило остатки дневного света. В нём висели мелкие, будто нарванные в клочья, облака. Под теплым ветром покачивались лохмы высоких сосен.

Вэрдэ шагал по тропе, которая угадывалась между деревьев, озирался и прислушивался. Вдруг остановился, едва не запнувшись обо что-то. На земле стоял котелок. А где-то справа в

зарослях раздалась возня. «Вряд ли это зверь», – рассудил он и пошёл туда. Услышал девичий смехок, застыл. Судя по звуку, Стрелка была совсем недалеко – шагах в десяти – пятнадцати, но видно её не было. Опустившись, он прополз под нижними ветвями елей, оцарапал ухо о сучок, раздавил коленом какой-то вонючий гриб, подобрался к поваленному стволу и высунулся из-за его замшелой спины.

И тут же увидел странное. Согнутая нога Стрелки будто висела в темноте у дерева. Потом мелькнула вторая нога. Вэрдэ различил мужской силуэт. Орос всем телом наваливался на девчонку, зажатую между ним и стволом, и словно пытался её раздавить. Откуда-то из темноты вынырнула светлая рука Стрелки. Девчонка ухватилась пальцами за одежду на спине ороса, как белка за сосновую кору.

Вэрдэ опустился обратно за валежину. Сердце колотилось как-то странно – словно не изнутри, а снаружи чем-то тяжёлым и твёрдым били в грудь. Почему-то он вспомнил материн подарок – фигурку медведя. Сейчас она зажата между Стрелкой и напирющим на неё оросом.

Сипло и прерывисто дыша, он пополз обратно к тропе. Там зачем-то схватил стоящий на земле котелок и со злостью зашвырнул в тёмные дебри, где его до утра точно не отыщут.

Не было желания думать об увиденном. Он дошагал до стойбища и подошёл к четырём оставшимся у костра оросам. Указал рукой на бочонок с дурной водой, потом – на свой рот.

– Возмужал малец! – воскликнул один из оросов. – Одинец, не жадничай, налей-ка ему.

Вэрдэ протянули наполненную кружку. Он приложился и в несколько больших глотков, не прерываясь, выпил. Дурная вода оказалась немного жгучей, со вкусом прокисшего ягодного отвара. Он вернул кружку и тут же заметил, что костёр, не разгораясь, сделался ярче. И лица оросов покраснелись. Вэрдэ закрыл глаза. Он словно выбрался из ледяной воды на горячий камень и стоял под палящим солнцем, а небо кружилось, кружилось, кружилось над ним.

– Малец-удалец! – похвалил кто-то из оросов. – Ну, каково тебе?

Неожиданно мир покачнулся, и Вэрдэ упал. Вчетвером оросы расхохотались так, как не хохотали вдесятером. Едва они успокоились, Вэрдэ приподнялся и снова указал на бочонок:

– Ещё!

И снова взрыв хохота. И снова протянутая кружка. Снова терпкий и жгучий ягодный вкус. Теперь Вэрдэ ощутил себя пустым и чистым чумом. Внизу разгорался очаг, во все стороны изливалось тепло, дым с приятным напором тянуло вверх к отверстию, он выгонял ненужные мысли из головы. Всё сделалось каким-то непривычно правильным.

Он рассмеялся, представив, что и сидящие рядом оросы – такие же пустые чумы, внутри которых всё хорошо и правильно. И весь мир – один благополучный чум. Добрый Буга приглядывает сверху. Рогатый сэли стережёт подземные владенья.

Всё изменилось, когда вернулись Стрелка и главный орос. Они вместе, не таясь, вышли из зарослей и уселись на бревно поближе к костру. Вэрдэ ощутил, что ладность воображаемого чума нарушилась. Теперь дым копился и попадал в глаза – не отмахнёшься. Жара делалась невыносимой. Роем закружились неприятные мысли: о Тыкульче, об умершей энё, о бледной девичьей ноге в полутьме... Пламя в животе продолжало жечь, но теперь это было пламя разрушения и злости. Повинуясь внезапному порыву, он попросил Стрелку:

– Скажи им: я знаю, где найти золото.

Девчонка подозрительно взглянула на него и промолчала. Оросы переговаривались и смеялись. Вэрдэ сказал главному:

– Алтан... Золото... знаю где!

Услышав заветное слово, главный орос всех угомонил.

– Ну-ка, Стрелка, чего это он там по-вашему балакает? Про золото, кажись.

– Я знаю, где найти золото, – повторил Вэрдэ, и Стрелка перевела.

Глаза у оросов загорелись. Главный плеснул немного дурной воды в кружку и передал Вэрдэ:

– Выпей-ка и говори.

Вэрдэ выпил.

– Золото немного, – сказал он. – Два больших камня. Они хранятся в чуме моего дяди. Это камни солнца, родовые талисманы. Их не отдадут, не продадут и не обменяют.

Когда Стрелка перевела эти слова, главный усмехнулся, озорно глянул на своих товарищей и спросил Вэрдэ:

– А какого размера камни? Покажи-ка.

– Больше кулака.

– Твоего или моего кулака?

– Вашего.

Оросы снова переглянулись. Одна только Стрелка сидела с мрачным видом. Почему-то это доставило Вэрдэ удовольствие. Захотелось, чтоб она немного помучилась.

Снова заговорил главный орос, и Стрелка перевела:

– Можешь отвести их в гости к твоему родственнику? Покажешь, где он сейчас? Им нужно осмотреть камни, расспросить, откуда они взялись, чтоб искать такие же. Искать золото.

– Покажу, – сказал Вэрдэ. – Я отведу их к чуму, если они дадут мне новое имя.

Стрелка перевела его слова и долго что-то поясняла. Оросы внимательно смотрели то на неё, то на Вэрдэ. Ухмылялись и кивали.

– Хорошо, – перевела Стрелка слова главного. – Как только приведёшь их к чуму своего дяди, они дадут тебе новое имя. Афанасий пообещал. Он – сын ороского шамана и знает, как всё делается. Ещё они спрашивают, сколько там будет мужчин.

– Только мой дядька Тыкульча и его сын с семьёй.

Главный орос поднялся и хлопнул Вэрдэ по плечу.

И вдруг тело будто свело. Вэрдэ упал, и его вырвало. Его рвало снова и снова. Казалось, он выблевал не только съеденное мясо, но и всю еду за несколько прошедших дней. Потом он лежал на земле, трясясь в чудовищном ознобе. Кто-то подтащил его к костру, укрыл шкурой. Но холод пробивался изнутри, из глубин живота. Так в тряске Вэрдэ и уснул.

Очнулся он, сидя у дерева. Сам переместился или кто-то усадил? Стояла ночь, пылал костёр. По стойбищу, шатаясь, ходили оросы. Их осталось трое, и Вэрдэ никак не мог понять, чем они заняты. Собственные глаза смотрели как-то криво, неправильно, будто со дна озера, сквозь мутную воду.

Оросы расправили на земле какой-то огромный мешок. Затем подтащили ничего не сообщающего Бусурмана и запихали внутрь. Рыжий Стёпка Вавило продел длинную веревку в петли по краю мешка, перебросил свободный конец через крепкую ветку на сосне и ушёл с ним в темноту. Кажется, там стояла лошадь. Когда Вавило подогнал её, верёвка натянулась, и Бусурман заворочался в подвешенном на ветке мешке.

– Всё, братцы, закрепил, – крикнул Вавило. – Васька, тащи свою сатану! Одинаец, пособилай ему!

Двое оросов подошли к дереву. Один из них руками расширил горло мешка. А второй, которого звали Васька Кривой-колпак, принёс за шкуру росомаху. Зверёк хрипел, выставив перед собой когтистые лапы.

– Гадина, снова меня окатила! – зло проговорил Васька Кривой-колпак и всунул росомаху внутрь мешка.

Тут же из темноты выскочил Вавило. В вытянутой руке он держал извивающуюся змею – кажется, молодую гадюку.

– А это мой зверь! – сказал он, хохоча. И отправил змею вслед за росомахой.

Отойдя в сторону, оросы принялись наблюдать, как дѣргается мешок. Раздались крики протрезвевшего Бусурмана, рык и похожие на хохот взвизгивания росомахи.

Вэрдэ будто прирос спиною к дереву. Не в силах пошевелиться, он глядел на воплощение странной и жуткой затеи оросов. Мешок трясся, подпрыгивал под веткой, точно живой. Внутри что-то непрерывно двигалось, выпирало, натягивало мешковину, едва не прорывая её. Ткань пропиталась тёмными пятнами, и вскоре кровь стала сочиться и капать снизу.

Крики Бусурмана сменились сдавленным хрипом. А после уже было не отличить, кто издаёт звуки. Казалось, это делает сам мешок, превратившийся в страшное существо, в котором объединилось человеческое и звериное. Он шипел, кричал, хрипел, каркал, выл, плевался и пел одновременно. На нём появились лохматые дыры, проделанные не то когтями росомахи, не то ножом Бусурмана.

Оросы молча дожидались, чем закончится потеха. Наверное, им было любопытно, кто в конце концов останется жив. Мешок дѣргался, истекал кровью, как огромное сердце, вырванное из груди великана. Потом неудержимая тряска сменилась редкими подѣргиваниями, и вскоре всё затихло. Из одной дыры торчал окровавленный локоть Бусурмана, за другой проглядывался мохнатый бок росомахи, блестящий от крови.

Вэрдэ сложился в новом приступе рвоты. В какой-то миг показалось, будто душа выбирается из него вместе с блевотиной. И наступило долгожданное забытье.

11

С севера тащило длинную тучу. С правой её стороны косою полосой выливался дождь. Левая часть багровела в лучах заходящего солнца, точно её раскалили. «Вода с огнём – знаки страданий, очищения и присутствия божьего», – вспомнилось Жгibesову изречение отца. Оно и хорошо. Если случится кому сегодня причинить страдание, тут же весь грех и смоеся.

Усмехнувшись, Жгibesов снова оглядел стойбище. Чумы стояли полукругом. У иных перед входом дымили чудаковатые тынгузские костры, покрытые составленными «домиком» брёвнышками. На длинных сваях, как цапли, торчали лабазы. По свободному месту между жилищами и по большой прилегающей к стойбищу поляне топтались олени. Жгibesов насчитал десять чумов. Значит, и взрослых мужчин-тынгузов около десятка. Обманул его мальчишка? В ловушку завёл? Теперь уже и не спросишь: мальчишка опять лежит без чувств, напленный ради забавы Одинцом и Стёпкой Вавило.

– Опасно к ним вот так вот сдуру соваться, – проговорил, стоящий рядом Васька Помойная-каша. – Слышал, с них нынче дважды ясак собрали, напутали чего-то. Тынгузы воеводе послание отправили. Грозилась в первого же следующего сборщика стрелу пустить.

– То другие тынгузы были, дурень, – возразил Васька Кривой-колпак. – Это кумкагиры.

– А я в твоём поганом родове не разбираюсь.

– Щепетильник, иди ты, тебя не жалко – ты пожил, – пошутил Жгibesов, скосившись на стоящего рядом старого казака.

Щепетильник не ответил, только нахмурился, глядя вдаль.

– Два чума или дюжина – какая нам разница? – сказал Вавило. – Пустят стрелу – нам же руки развяжут. Не пустят... – Он замолчал, видимо, не придумав, как поступать в этом случае.

Жгibesов прикинул: в отряде шесть ружей, несколько тынгузов можно сразу укокошить, если не криво стрелять. Остальные образумятся. Это в крайнем случае, а вообще лучше боя не устраивать. Кто знает, есть ли у них в самом деле золото? Мальчишка мог спьяну выдумать.

– Давайте так, – сказал Жгibesов. – Первым иду я и Вавило. Стрелка – с нами толмачом. Мальчонку на седло положим, предложим обменять его на золото. Если что – припугнём. Ну а вы, хлопцы, – он осмотрел свой отряд, – вы держитесь неподалёку, в лесу. И ружья чтоб наготове!

Жгibesов и один бы отправился, чтоб забрать самородки себе. Но было страшновато. И хлопцы заподозрили бы единоличную корысть. Нет доверия к человеку, оставленному с золотом один на один. Он это знал.

Погрузив мальчишку на седло, Вавило взял коня под уздцы. Жгibesов проверил ружьё, кинул лямку на плечо, перекрестился и подтолкнул вперёд Стрелку.

Дорога, ведущая к стойбищу, была истоптана оленьими копытами, изгажена помётом. Жгibesов определил свежие, старые и очень старые следы. Стало быть, тынгузы съезжались группами в разные дни. Правду, выходит, говорил мальчишка: ещё не так давно тут стояло мало чумов. Вероятно, и про самородки, про золото – правда.

Заметив гостей, в стойбище всполошились. Залаяли собаки. Тынгузы выбирались их своих жилищ, с любопытством и подозрением таращились на русских. Ребяшня выглядывала из-за спин матерей.

– Обождите-ка, други, – сказал Жгibesов своим и остановился. Он решил показать аборигенам, что не спешит, а раз не спешит – вроде и дурных намерений не имеет. К тому же надо было выждать, пока хлопцы с ружьями подтянутся лесом ближе к стойбищу.

– Теперь пойдём.

В селении тынгузов царил беспорядок. Валялись берестяные ворохи, расколотые пополам брёвна, старые жердины. Всюду – щепы и хвоя, куски коры, кручённые ветки тальника.

Вьючные сумки у некоторых чумов покоились на двух уложенных рядышком брёвнах, а кое-где и просто лежали в грязи. На длинной жерди меж берёз сушилось мясо. Осмотревшись, Жгibesов утвердился во мнении, что часть тынгузов прибыла совсем недавно, скорее всего, прошлым вечером.

– Мэнду! Здравствуйте! – сказал он и по-отечески положил ладонь Стелке на плечо.

Их встретили четверо вышедших вперёд тынгузов. Щёки и подбородки у двоих были расчерчены «шитыми линиями». Аборигены с откровенным любопытством осмотрели гостей. Кто-то окриком унял собак.

– Мэнду! – повторил Жгibesов. – Есть ли среди вас Тыкульча? Кажись, вашего сродника отыскали.

Один из тынгузов – высокий, зеленоглазый, с выглядывающим изо рта зубом – приложил ладонь к груди и на русском сказал:

– Я Тыкульча. – И, угрюмо смотря, как Вавило стаскивает мальчишку с лошади, добавил: – Но ты ошибаешься – этот мальчик не наш.

«Как это не ваш?» – удивился Жгibesов, но ничего не сказал.

Они с Тыкульчей подошли к одному из чумов, уселись у костра на застеленные шкурами камни.

– Меня зовут Афанасий Жгibesов. Я десятник, то есть команду этими людьми. Мы исполняем волю главного русского царя. Понимаешь меня?

Тыкульча кивнул:

– Понимаю. Но мы отдали ясак этой весной. Дважды отдавали – мехом и скотом. Второй раз в счёт прошлого года, хотя год ещё не миновал.

– Я знаю об этом, – деловито сказал Жгibesов. – Сам лично проясню, сколько с вас взяли. Если лишку содрали – наведём порядок. На то и посланы.

Он обернулся. Вавило уже уложил мальчишку на землю, тынгузские бабы хлопотали около. Стелка что-то им объясняла.

– Но сейчас мы исполняем другую волю: золото, серебро ищем. Кто в этом поможет, получит от царя большие дары, надолго от ясака освобождён будет. Ответь, видел ли ты самородки – камни, скажем, золотые?

Тыкульча покачал головой.

– Знаю, что вы ищете. Сам такого не встречал.

«Брешешь, дьявол! – подумал Жгibesов. – Дёснами чую, что брешешь! Меня не проведёшь, сам врун искусный. Вон, жёлтый клык на солнце блеснул – верный признак обмана!» Он улыбнулся и снова глянул на своих. Вавило вручил аборигенам костяную шкатулку – Жгibesов ранее видел её у Милованова. Тынгузы без особого интереса разглядывали шкатулку, передавали друг другу.

– Что же ты, Тыкульча, от мальчишки отказываешься? – спросил Жгibesов. – Дядька ты ему или отец – свойный, одним словом. Свойный же?

Тыкульча скривил рот – не то в ухмылке, не то в угрожающем оскале.

– Зачем его притащили?

– Как зачем? Добро вам сделать, помощь. Мы вам – мальчишку. А вы с поисками помогаете.

– Он здесь не нужен, дурное притягивает. Сколько раз избавлялись от него, но злые духи его возвращают. Хочешь помощь друг другу делать – увези его подальше.

Жгibesов мысленно присвистнул: ну и нравы дикарские!

– Слышал я, что родовой талисман у тебя – золотой. Мальчишка мне рассказал. Позволишь взглянуть?

Тыкульча мельком посмотрел на свой чум и сказал:

– Этого мальчишку злые духи водят. Нельзя ему верить.

– А по-моему, мальчишка, как мальчишка... Так что, покажешь талисман?

– Наш родовой талисман – не золотой. Зачем? В золоте добрые духи не живут.

От соседнего чума подошла молодая и казистая тынгузска, вручила Жгibesову берестяную посудину с ягодным отваром. Жгibesов отпил, разжевал попавший в рот брусничный лист, сплюнул. Посудину поставил на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.